

АЛЕКСЕЙ К. СМИРНОВ

Небесный летающий Китай

РАССКАЗЫ

Алексей Константинович Смирнов

Небесный летающий

Китай (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8720772

ISBN 978-5-4474-0368-3

Аннотация

В сборник вошли рассказы разных лет – фантастические, сюрреалистические, юмористические и прочие. Часть из них была опубликована в антологиях и журналах «Компьютерра», «Литературные кубики», «CASE», «Полдень, XXI век», «Реальность фантастики», «Литературное обозрение».

Содержание

Башня для нерожденной	5
Девять принципов Камамбера	19
Дети Капитала-Гранта	43
Добрый вечер	81
Долина тени	88
Вчерашний день	94
Дробь	103
Господин очернитель	108
Данила Пробочник	122
Гривенники Гарусса	130
Залпы суверенной поры	135
Звезда автострады	141
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Небесный летающий Китай

Рассказы

Алексей Константинович

Смирнов

© Алексей Константинович Смирнов, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Башня для нерожденной

– Это кто?

И она прикоснулась к холсту, заехав пальцем в усы, слипшиеся от темного масла. В тот же момент я привычно уверился, что все пойдет, как шло всегда. Любопытство сгубило многих, но только случай привел в их компанию кошку. Собственно говоря, я ни в чем и не сомневался, иные сценарии не предусматривались, однако всегда существует трещина, ведущая в пропасть, что между Почти и Абсолютной Уверенностью в Ближайших Событиях. Противоречие в определении, наплевать.

– Скажи-ка мне, золотце, всегда ли ты лапаешь полотна?

Она притворилась нашкодившей школьницей и спрятала руки за спину.

– Извини. Она дорогая?

Я вздохнул.

– На портрете – мой пра-пра-пращур, своего рода информационный прах, в равной мере оскверненный и облагороженный субъективизмом живописца. Париж, восемнадцатый век, барон де Бро. Он дорог мне как всякому, кто чтит свои корни. Тебя, надеюсь, интересует именно эта дороговизна? Не пошлое золото?

Заминка, дело ясное.

Уворачивается:

– А этот?

– Мальбородатый герцог? Он – представитель побочной ветви, которая лет сто, как ослепла.

– Поня-а-атно... Серийная дурочка, водянистые извилины, маленькие бороздки – паутинка фальшивого ума.

– Поднимемся выше. Мы проведем ночь в шестой башне.

Наглое, самодовольное «ОК». Как если бы из ночи в ночь ты, золотце, порхала по башням и погребам. Тебя заметил мой ситроен, зоркий на зеркальце заднего вида; ты чуть не обмочилась от неверия в удачу. Дождь пропитал твою условную ночнушку, украсил капельками кожицу лица, рук и ног, по сути – пленочку, которую и счистить-то жалко, можно лопать так, тем более мытую. Глупые глазки с потекшей тушью, ужасная улыбка, вписавшаяся в оконце машины с невозможной формулировкой: «возьму минет за полсотни бачков».

Жду новых вопросов. Извольте, вот первый:

– А сколько здесь башен?

– Семь, золотце. Ты можешь их осмотреть при условии, что не станешь заглядывать в седьмую.

Вот второй:

– А почему?

– Потому что я запрещаю тебе туда заходить.

Вопрос номер третий, глупейший и оттого очень частый:

– А что в ней?

Боже, прости меня – что за идиотка.

– Запрет означает тайну. Ты что, никогда не думаешь, прежде чем сказать слово?

Надулась, но возражать не собирается. С этим у них полный порядок, здесь им ума не занимать.

Что мне стоило вовсе не говорить о седьмой башне и оставить безмозглую бабочку в невинном неведении? Только чистота замысла, которая требует честного оглашения правил. Но последнее, к несчастью, завершается казнями, к одной из которых я только что приговорил свою гостью. С некоторых пор для меня это – механическая работа, отчасти докучливая. О, черт бы побрал их зуд. Но черт не заберет себе того, чем сам же и наградил, вдохнул в их несносное любопытное племя.

...Мы лежим, роняя пепел в белый мех шкуры, чей бывший владелец хранит в изумрудных глазах отчаянную злобу. Он греет кого-то, чего никак не думал делать, бродя среди милых льдов.

– Мы поженимся, если ты этого хочешь, – я оглаживаю шерсть и пальцами левой ноги щекочу безответное медвежье ухо.

Нимфа заходится в приступе кашля – поперхнувшись? Ну да, необычная история, согласен. Странный поворот. Заманчивый оборот. И подозрительный, но что ей до подозрений! Она видит во мне скучающего, богатого самодура, объевшегося сладким и заболевшего острым расстройством филантропительного тракта.

— А не пожалеешь? — она, как ей мнится, кокетливо и соблазнительно выгибает спину. Ее не смущает дикость предложения, она согласна.

— Отнюдь нет — напротив, я не могу дождаться утра, чтобы узаконить наш стремительный союз. С твоего позволения, я немного посплю, пусть время пронесется, и та-ра-ра... Помни о башне, любимая.

Напрасные тревоги, она не забудет. Утром, не сомкнув за ночь глаз, ибо я напряженно вслушивался в шаги, которые приближались и удалялись по галерее, подходя к первой двери... полчасика, час на осмотр экспозиции... ко второй, к четвертой... Я встретил ее на пороге. Она как раз выходила из башни под номером семь.

— Ты ослушалась, — я взял ее за плечи.

— Прости, но мне не спалось... я заблудилась в твоём замке, здесь столько ходов...

Я развернул ее голову на двести семьдесят градусов. Моя несостоявшаяся невеста, пролившись вялой струйкой мочи, отдававшей ацетоном, упала к моим ногам. Я ощупал лицо: щетина, как всегда по свершении казни, кололась особенно остро.

Алчная тварь. Очередная претендентка на владение всем и вся, но где все, там и ничего.

...Я жгучий брюнет. После бритья мои щеки отливают синим. А борода отрастает с удвоенной скоростью после каждого деяния, доказывающего мою верность идеалу. Я думаю,

что в ней знак из будущего, она прекрасна. Синий цвет – пустяки, сейчас по-всякому ходят и красятся, кто во что горазд. Это цвет удачи, на которую мне, впрочем, рассчитывать не приходится. Должны сложиться биллионы случайностей, чтобы явилась та, в ком воплощается моя мечта. И рано или поздно она родится, но я ее, конечно, не увижу. Задача моей жизни – подготовить здание, в двери которого она когда-нибудь войдет, как в свой дом, и стены которого сегодня ловят каждое невысказанное желание моей несуществующей любимой.

Я создал совершенный образ, не дожидаясь его земного воплощения. Отсутствие объекта еще не означает невозможность его прозреть. Но прежде я выстроил замок о семи башнях. Как и моя борода, строительство не собрало большого числа любопытствующих – да что там, их не было вовсе. В наши дни состоятельный человек не только может, но и должен позволить себе замок. Конечно, для грядущей богини я задумал нечто особенно грандиозное и выложил немалую сумму за одно только право возвести свое здание на живописной возвышенности, которая так удачно возвысилась сразу за городской чертой. Я знал, что рано или поздно меня вычислят и возьмут. Но, с другой стороны, еще По обратил внимание на то, что самое тайное это самое явное. Я искренне радуюсь цветным газетам, полным бреда, в которых фотографии разрубленных мною тел выносятся на первую страницу, а слабоумные предложения под общим

заглавием «как нам всем миром поймать маньяка» вынуждают меня считать себя здоровейшим из людей.

Когда храм построили, окрестный люд немедленно прозвал его владельца «семибашенной гадюкой».

Я не замечал косых взглядов, потому что ни с кем не общался, да это было бы и трудно с моим-то седаном среди их пьяных тракторов и дачных шестерок-девяток – «б9», так я величал завистливый сброд, платя презрением за презрение. Днем я запирался в башне, общаясь с любимой, которая для меня подобна премудрой Софии – тоже женщина, если разобраться. Голубка отвечала мне взглядом Джоконды и молча благословляла на умное деланье. Вечером, ближе к ночи, я отправлялся на какой-нибудь вокзал или к шлюхам, в центр, надеясь подобрать там хоть кого-то приличного внутренне. Позорная деятельность не всегда истребляет живую душу. Я, конечно, не рассчитывал найти земной аналог моей возлюбленной, но мне было нужно продолжить род и подыскать себе подходящую супругу. Мои маслянистые, копченые предки не фикция; потратившись на содействие архивных теней, я разузнал свои корни; я списался с антикварами едва ли не всего мира и выкупил родовые портреты, но все перечисленное не стоило продолжения. Смысл в другом. Я смертен, но мои далекие потомки дождутся счастливого мига ее рождения. Я опять же смертельно устал от нескончаемых поисков достойной партии, но испытания не выдерживает никто. Каждая спешит наложить на меня лапу, как давеча на порт-

рет; каждая поражена прожорливым червем распоясавшегося бабства. Ходи, где хочешь, бери, что хочешь, но только не суйся в святая святых! У всех у них одна судьба, вот почему я не рискую подбирать себе жен из приличного круга – ведь дело скорее откроется. А этих не ищет никто.

Жен не жаль, Господь даст новых жен и детей, как дал Иову, им просто не повезло.

Их было мало, настоящих жен. В большинстве случаев до брака не доходило. Я женился только на тех, кому удавалось пережить ночь, вернее – утро.

В самой первой, помню, чувствовалась порода. Рыжие волосы, лицо королевы Елизаветы.

Это не мешало ей приставать к прохожим, бросаться то к одному, то к другому. Она немало выпила и в результате сломала каблук. Я подъехал и поманил ее пальцем.

У нее профессионально напряглось лицо, когда она всматривалась в полумрак салона. А ноги шли сами; она прихрамывала и трогательно прижимала к груди изувеченную туфлю.

Ее расценки вызвали у меня беззвучный и горестный смех.

Дорогой она держалась заносчиво, хотя это стоило ей великого труда.

Любуясь ею, я все устроил, и нас расписали на следующий день.

Весь гонор слетел, когда через сутки она валялась у меня

в ногах и клялась, что ей же богу не хотела заходить в проклятую, как она выразилась, седьмую башню, «так ничего ж там и нет – пустая комната с дисплеем, в нем что – государственные секреты? я ничего не включала, я не касалась клавиш!» «Секреты не хранятся в дисплее», – возразил я мягко и с большим удовольствием сломал ей шею. И даже не за то, что ослушалась, а за это ее «ничего ж там нет».

Тогда как там есть.

Там живет совершенство – образ, сотворенный по последнему слову компьютерной графики. Любой непосвященный при виде его скажет, что совершенством не пахнет, но я старался этого не допускать. Невежество можно простить, но оно остается оскорбительным. Красота и не должна быть совершенной, иначе она омерзительна. Идею воплотил уродливый идиот, чьи услуги обошлись мне весьма недешево. «Система „Карла“» – так, будучи спрошен, я уклончиво именовал свой процессор, приводя в недоумение высоколобых и высокомерных юзеров. Я приобрел идиота в одном из гаремов во время турне по Востоку. Уродец оживал лишь после подключения к трехсотому Пню; без этого он не был способен ни к речи, ни к счету, ни к чему-то вообще, но стоило встроить сей удивительный контур в сеть, как его мутные глазки зажигались, свойства сказочно расширялись, просыпался зуд навигатора, распахивались кладовые памяти, доверху набитые терабайтами, и даже просыпался снулый, веч но подтекающий курсорчик. Он и сотворил идеал. Он не был

зодчим, не писал икон, и за окном у нас не Древняя Русь, поэтому я не стал его ослеплять, а просто упрятал в раствор формалина. Банка стоит в подвале, и в ней стоит он, таращась на меня незрячими очами в круглых очках со сложными линзами.

Дураки, даже гениальные, мне отвратительны.

У новенькой, которую я подцепил в аэропорту, в лице есть нечто порочное и возбуждающее. Но главное, в ней живет ум. Он улавливается даже в походке, в манере прикуривать, в покрое одежды. Я решил сперва, что она держит в сумочке клофелин, но после украдкой проверил и ничего не нашел.

Встретившись с нею глазами, я поиграл связкой ключей.

Она не назвала цену – спокойно уселась рядом, попросила включить музыку. Я настроился на классическую волну, исподтишка оценил ее лицо и обрадовался, обнаружив искреннее довольство.

– На ночь? – осведомилась она, щелкая зажигалкой.

– Посмотрим, – я вывернул руль.

– Если меньше, мне нужно вернуться сюда. Придется оплатить дорогу.

– Может быть, больше.

Она смерила меня внимательным взглядом.

– Вас нужно сопровождать?

– Разве что в загс.

Еще произнося эти слова, я ужаснулся их глупости и пошлости.

– Остановите машину, я выйду.

– Простите меня. Это вырвалось нечаянно. Я не хотел вас унижить.

– Меня нельзя унижить. Но желание настораживает.

Осталась. Я прибавил скорость и почему-то всмотрелся в услужливое зеркальце: чисто. Мы были одни на трассе.

– Мне надо как-то загладить вину. Удваиваю ставку.

Пусть разговор вернется к деньгам. Я чувствовал, что ненароком насторожил это нелепо гордое создание.

Она пожала плечами и подчеркнуто профессионально улыбнулась. Сотни других на ее месте издали бы какой-нибудь курлычаще-мурлычащий звук, закатили глаза и распространили вокруг себя ауру лживой томности. Или, что еще хуже, сказали бы «ого» с неизбежными последующими вопросами: не халиф ли я, ибо черен, а те Гарун и Рашид, что были вчера, тоже черны, но я на них не похож, так кто же я буду – простой бандит или рангом повыше? Может быть, дипломат?..

Хищница, которой и семьдесят семь башен – на один зуб. Не хватит ли поисков? Достойная личность. Тренированная фигура, пепельная стрижка под мальчика, чистые ноздри – в том смысле, что без сережек. Посмотрим.

– Полторы тысячи долларов, – вот, наконец, объявлена и цена.

Именно долларов – не баксов, не зеленых, не гринов. Отрадно слышать. Я согласно киваю и вновь говорю:

– Удваиваю ставку.

Ага, удивляется. Верит, подозрений не видно, и все-таки огорошена.

Мы прибываем в замок. Она ведет себя сдержанно и корректно. Не спрашивает, «что там висит за мужик», не разваливается в кресле и не кладет на валик ног. Не хлещет спиртное, как бочка.

Я присел рядышком, на полу. Сбросил бархатный пиджак, театрально отшвырнул галстук: явление второе, «будем проще».

Разговор о башнях она не поддержала, и вышло неуклюже. Получилось так, что я запретил ей входить в седьмую при полном ее безразличии к замковым тайнам. Состоялся скверный, надуманный монолог, в конце которого я с ужасом почувствовал, что краснею.

– Ты не похожа на путану, – я нахмурился, вызывая ее на откровенность.

– Это приятно слышать, я не путана. Мне просто нужны деньги. Вот оно как. Незвестная и, вероятно, благородная цель – болеет кто-то, или что еще. Сосредоточенность и целеустремленность. Уловив мое настроение, она вздыхает и начинает отрабатывать гонорар. Заводит якобы игривую беседу:

– А почему у тебя синяя борода?

Я машинально погладил подбородок.

– О чем ты говоришь? Я гладко выбрит... золотце.

– Все равно видно.

Пускай понимает, как шутку:

– Ты наблюдательна! Все дело в редком гене, который наследуется по материнской линии, но проявляется только у мужчин. Как гемофилия.

Странное дело – она, оказывается, не знает этого слова. Но разложить умеет:

– Гемо-филия? Это что же – любовь к крови?

– Нет, золотце. Это королевская болезнь, при которой не сворачивается кровь.

Она ерошит мне волосы, я напрягаюсь. Не люблю, когда прикасаются к моей голове.

– Мы останемся здесь, на ковре?

– Если захочешь. Замок твой, ты можешь пойти, куда тебе вздумается. За исключением седьмой башни.

– Я не хочу никуда идти. Мне нравится быть с тобой.

Держа в обеих руках наполненные бокалы, я пополз на коленях и очутился прямо перед ней, изображая раба. Она вынула бокал из моей ладони и поставила рядом с креслом. Соскользнула в ковер, обвила мою шею руками.

– Ты слишком беспокоишься о ненужных вещах. Выброси из головы свою башню. И не пей, тебе это ни к чему.

...Редкое замечание, но все-таки я, как уже говорил, проверил ночью ее сумочку. Таблеток не оказалось. На любовь ушел час, и гостья, никуда не выходя, проспала до утра.

Солнце взошло; я сидел и смотрел, как она спит. Во мне

просыпалась досада. Я вдруг понял, что просто хочу ее убить. Проклятье, она даже не попыталась проникнуть в башню! Как она посмела, негодница? А я хочу крови. И что мне до башни, когда загвоздка в бороде, вот что я понял, глядя на эту кроткую дрянь с пятеркой по поведению.

Я огляделся и решил воспользоваться шнуром от портеры. Попытаюсь растянуть удовольствие, а то чики-брыки вручную слишком стремительны, сколько потом ни трудись тесаком.

Наверно, я заподозрил подвох уже с первой минуты знакомства, но щеки меня отвлекали, пылая после бритья бесцветным жаром, и осознание непозволительно затянулось. Проблемный узел развязался, едва я успел соорудить другой, на шее спящей. Не зря я отметил ее спортивное сложение. Она ударила меня так, что хрустнуло в лице, а витражи, застилавшие окна, осыпались со звоном, и в колотые дыры попер черномасочный люд.

Комната заполнилась хамами, которые, как явствовало из их дружного появления, давно пасли меня и еще вечером окружили замок тройным кольцом.

Меня швырнули на пол, вниз лицом, заковали в наручники. Какой-то гневный особо праведным гневом пинал и пинал меня под ребра, я молчал.

– Проверьте подвалы! – послышалась команда.

Давайте, проверьте. Там чистенько, но где-нибудь я наверняка наследил.

Они сразу нашли мою компьютерную приставку, приволокли жбан – я слышал, как булькнуло, когда они его ставили. И врезали мне еще.

– Посмотрите в седьмой башне, – распорядилась гостья. Меня взяли за волосы, поставили на ноги.

Минут через пять вошел пятнистый потный жлоб со словами:

– Там ни черта нет, командир. Компьютер стоит включенный, и на экране рожа страшная – ужас, меня чуть не вывернуло.

Этого я не мог снести и рванулся к нему, метя теменем в зубы.

Меня удержали, согнули в рог и погнали вниз, к машинам.

Во дворе я дернул ногой, отгоняя журналиста. Подбежал второй.

Мне уже стало наплевать, и я замкнулся в восьмой, самой надежной башне. Действительность утратила краски. Но возникло одно обстоятельство, и я на миг очнулся. Рядом с водителем в газике сидел один человек в чине старшего сержанта. У него было лицо... Если бы там был не он, а она, в смысле женщина, а не мужчина, я решил бы, что сбылось невозможное.

Девять принципов Камамбера

Светлой памяти Роджера Желязны

*А также посвящается Александру Житинскому
и его роману про «Потерянный Дом»*

1

...Первый принцип Камамбера: Камамбер – это не только сыр, но и его запах.

Я проснулся от сильнейшего запаха Камамбера.

Если бы не этот запах, я бы и не вспомнил о Камамбере, ибо не помнил ничего и совершенно не понимал, где нахожусь. Ноздри мои раздулись, обоняя волны настолько густые, что сразу же и опали, как опадает предсмертный пакет, надетый на голову и втянутый в приоткрывшийся рот задохнувшегося юнца, любителя клея. Клубился тяжелый туман цвета несвежего хлора; в нем, будто в бане, прохаживались дьявольские существа.

Я пошевелился и выяснил, что лежу в постели.

Ко мне явился инопланетянин, но я не пошел с ним на контакт, потому что я был мирный пододеялолежанин; тогда он ушел, вернулся и привел с собой яйцекрутянина.

– Вставай же! Вставай! – захрипели оба. Их страшные ли-

ца то сливались, то разъезжались.

Под мое одеяло – я не заметил, как и когда – скользнула рука, и я вздрогнул.

– Вставай, братишка, – стонало ужасное существо. – Очнись! Нам нельзя оставаться в этом месте... Посмотри, что у меня есть!

Ничего не разумея из сказанного, я натянул одеяло, пытаюсь подобраться под него ртом, и впился глазами в тусклое серебро, сверкавшее в руке ночного мучителя. Стояла ночь, и мой рассудок был в этой ночи луной. Луна светила достаточно, чтобы я сориентировался во времени суток. Но я еще не узнавал запаха. Вернее, он был мне знаком, но я никак не находил ему названия.

Инопланетянин сверху, яйцекрутянин снизу поднес к моему лицу блестящий металлический предмет. Я тупо смотрел, не понимая. Адская комната наполнилась бормотанием, всхлипами и бессвязными выкриками.

– Первый принцип Камамбера! – в отчаянии проскрежетал мой мучитель. – Бесплатный Камамбер бывает только в мышеловке! И ты в эту мышеловку попал!

Сознание дрогнуло, отступило, шагнуло вперед, присмотрелось и вдруг просияло горьким восторгом:

– Тем Пачино! – выдохнул я, тараща глаза.

Стоявший у моего ложа залился слезами:

– Узнал, узнал, – приговаривал он. – Скорее подымайся, они сейчас придут... Они никогда не уходят надолго...

Я сделал над собой усилие, выдрался из-под капельницы и сел. Меня качнуло; по локтевой ямке расползлся чернильный синяк. Я порядком ослаб, но чувствовал, что справлюсь и встану на ноги. Возможно, при поддержке Тем Пачино.

— Где мы? — я огляделся, на сей раз пристальнее и зорче. Мрачное помещение, наполненное равнодушными фигурами, погруженными в странные дела. Вспыхивали разноцветные зарницы; из-под двух десятков пружинных кроватей летел визг, мешавшийся с писком. Комнату то и дело пересекали, а может быть, и не пересекали, крылатые твари, похожие на летучих собак. Кто-то лежал, завернувшись в тонкое и бедное одеяло; кто-то сидел, другие, как уже было сказано, бродили в проходах.

— Слуги Хаоса заманили нас в западню, — объяснил Тем Пачино. Приземистый, рыхлый, с пепельным распухшим лицом он смахивал на верного оруженосца из старинной повести, популярной в здешних краях — я, похоже, припоминал все больше и больше. — Они построили иллюзию, внушив нам ложную видимость Камамбера. Спасаясь и думая, что цель близка, мы перелезли через ограду — и очутились в ловушке. Мы — воины Порядка, если ты помнишь. Когда мы доберемся до истинного Камамбера, будет полный порядок.

Я достаточно освоился, чтобы спросить о предмете, который он настойчиво совал мне под нос.

— Это ключ! — выдохнул мой доброжелатель. — Не спрашивай, какими трудами я его взял. Мне пришлось...

Воспоминание далось ему тяжело, Тем Пачино схватился за сердце и поморщился.

Я внимательно смотрел на то, что он называл ключом. Это был полый четырехгранный стержень, которым в этом мире отмыкают не то купейные вагоны, не то вагонные купе... или? В мгновение ока я понял все.

– Это лечебница, – выдавил я, потрясенный.

Тем Пачино кивнул:

– Да, это она. И не самая хорошая!

Вдруг он повел носом:

– Ты чуешь? Каша! Кашу несут! Мы больше не можем медлить!...

Мы выскользнули в дверной проем, предназначенный для неусыпного наблюдения и не знавший створки. Коридор был пуст и освещен покойничьим светом. Дыбился линолеум, каркали пересохшие голоса. Воздух гудел низким гулом, оседая в инфразвук. Тем Пачино, не выпуская рукава моей пижамы, метнулся за угол. Десять шагов, отделявшие нас от выбеленной двери, мы преодолели единым прыжком. Прыгающие пальцы Тем Пачино вложили ключ в квадратную выемку. Раздался щелчок, дверь отворилась, и мы шагнули в новый Слой, где было темно. Запах Камамбера усилился...

Постепенно мне пришло на память, кто же такой был Тем Пачино, мой добрый ангел. Во всяком случае, я помнил его существом неопознаваемой биологической принадлежности, но не из высших. Он относился к незаменимой категории Вечных Спутников, которые в разных пластах реальности сгущаются в заботливых дядек и денщиков. Одновременно я вспомнил и все обстоятельства, приведшие нас в это мрачное заведение, где нас, задержись мы еще на несколько часов, непременно бы искалечили. Наша память, претерпевши воздействие местных ядов, пришла бы в полную негодность, и мы навсегда увязли бы в этом скверном Слое, далеко от Слоя первичного, заветной мечты любого странствующего героя.

Летя по ступенькам и чувствуя, до какой степени мне не хватает привычного развевающегося плаща, я с силой втянул в себя воздух. Камамбер активно проталкивался сквозь гречневый аромат, но теперь, когда я совершенно пришел в себя, в нем ощущалось очевидное несовершенство.

– Тем Пачино! – проскрежетал я торжественно, вращая глазами. – Назови мне второй принцип Камамбера!

– Настоящий Камамбер ни с чем не спутаешь, – ответил тот со смешком.

– Стойте! – закричали голоса за нашими спинами. – Вернитесь немедленно! Держите их!

На бегу обернувшись, я увидел их – прислужников Хаоса, обрядившихся в обманчиво белые одежды, небрежно за-

стегнутые, а то и вовсе распахнутые; стуча каблуками, меняясь в лицах, эти коварные существа поставили себе целью настигнуть нас и навсегда разлучить с первородным Слоею, где Камамбер.

Я запустил руку в карман больничных штанов – пусто.

– Держи, – Тем Пачино в очередной раз пришел мне на помощь. Он протягивал мне колоду игральных карт, которую чудом спас в момент моего пленения. Колода обладала магическими свойствами – еще бы не обладать, когда ее рисовали в Закрытом Профилактории при первородном Слое; рисовал и крапил человек, отведавший Камамбера под напиток напитков. Напиток, который не чета здешней губительной субстанции: только ее одуряющим качеством я мог объяснить тот факт, что принял за врата, ведущие к ближним Слойам, обыкновенную дыру в проволочном заборе, за которым меня уже поджидали враги.

Я выщелкнул двадцать одно: его составили Бубновый Туз, частый спутник жаждущих Камамбера; пиковый король Дядя Женья – резидент благородных Слоев, прочно обосновавшийся в несовершенной реальности; да пара чернявых дам: бабы, как всем известно, спиваются надежнее. Им легче принять на грудь, потому что их две, груди.

Преследователи отпрянули, прикрываясь руками. Повалил дым. В следующую секунду мы с Тем Пачино облегченно вздохнули, ибо увидели, что мчимся, что было сил, по пустынному проспекту: это был новый Слой, очень похо-

жий на предыдущий, но все же другой. Лечебницы не было и в помине, погоня растаяла. На мне были плащ, широкополая шляпа и высокие ботинки с металлическими набойками. Тем Пачино кутался в неброский зипун и мягко топотал валенками.

Падал снег.

3

– Третий принцип Камамбера, – потребовал я, останавливаясь, чтобы отдышаться.

– Бесплатный Камамбер встречается лишь в Слоях, используемых под ловушки, – повиновался Тем Пачино. – Вариант принципа первого. Повторение – основа всего?

– Повторение укрепляет кю и ци, – констатировал я с необязательной назидательностью, так как Тем Пачино и без меня преотлично разбирался в живительных силах, вызываемых повторением азбучных мантр.

Впереди замаячило мелкое казино. Я не игрок и достаточно зрел, чтобы знать: мы еще очень, очень далеки от истинного Слоя, породившего все остальные Слои, которые суть его несовершенные эманации. Я понимал, что в наметившемся притоне мне не найти настоящего Камамбера, который, согласно легенде, подается к настоящему Пиву, оно же Эль, оно же Пьяный Мед – вересковый, должно быть, о котором слагали стихи, секрет которого унес с собой в могилу

стивенсоновский карлик, маг и колдун.

Но мне хотелось пить.

– Послушай, Господин, – обратился ко мне Тем Пачино. – Наше странствие затянется на долгие годы, если мы ограничимся поисками Камамбера и не станем обращать внимания на напитки, к которым он подается. Может быть, нам временно перенастроить наше обоняние?

– Отягощать свой состав низкими сущностями, летучесть которых... – я нерешительно и уже колеблясь поморщился, направляясь к казино и щупая в кармане уцелевшие карты. Но тут в мои ноздри ударил сильнейший запах, как никогда прежде близкий к Камамберу.

– Стоять! – скомандовал я. – Мы, несомненно, приблизились. Если это и не истинный Слой, то Слой, весьма к нему близкий. Поспешай за мной!

Забыв про казино с напитками Слая и думая о меде и Камамбере Слая Обнажения, куда я давно стремился – куда каждый стремился в желании обрести своеобразный Грааль – я побежал к какой-то ограде.

– Не спеши, сударь! – упрасивал меня чуть поотставший Тем Пачино. – Это снова ловушка! Вспомни, мы только что чудом сбежали из подобного места!

Я же улыбался, на бегу ощупывая в кармане сохранившихся карточных женщин, дядей Жень и Бубновые Тузы. Пахло Камамбером. Известно ли вам, как благоухает истинный Камамбер? Он пахнет грязными носками в сочетании

еще с чем-то затхлым; ароматы, плывшие из намеченного здания, соответствовали этим требованиям.

– Четвертый принцип Камамбера! – выкрикнул мой оруженосец. – Не все Камамбер, что им пахнет!

Но я уже видел себя близ первородного Пивного Ларя, водруженного на пень с миллиардом годичных колец, а рядом стоит и улыбается отпускной резидент дядя Женя в лакированных ботинках; он разворачивает тряпицу, вынимает кусочек сырной плоти – и я умираю от достигнутого... «Можно ведь и вовсе не закусывать», – лукаво улыбается дядя Саша. Он помнит времена, когда ларьков было много, но все они вдруг повывелись, и только один остался где-то, на бергмановской земляничной поляне, и я спешу к нему, вычерчивая наново пивную карту этого мерзкого, низкого Слая в поисках лазейки, где он, Ларек с подачей Камамбера, остался и ждет утомленного жаждой рыцаря.

Я вбежал в какие-то воротца.

– Стуй! Стуй! – загукал кто-то.

Сзади охнул Тем Пачино, ему заломили руки.

Но какой запах! Я жадно принюхивался.

– Тормотычинов! Папахонов! – позвали из небольшого кирпичного здания в два этажа. – Кого это вы крутите?

– Ты сам посмотри, – пропыхтел, видимо, Тормотычинов, схвативший меня в стальной захват.

– Хули мне смотреть, веди сюда, – распорядился человек в расстегнутом мундире и заломленной фуражке.

– Пятый принцип Камамбера! – вопил, вырываясь, Тем Пачино, а я и сам уже припомнил этот принцип: Камамбер не идентичен своим псевдохудожественным созвучиям, милым сердцу романтических книжечеев. Но руки мои были скованы, я не мог дотянуться до карт. В Амберовской же, рифмующейся с Камамбером хронике, данный Слои, а точнее – Отражение, относился бы к самым ничтожным и варварским.

– Пошли, мужик, в вытрезвитель, – сказал, отдуваясь потно, Тормотычинов.

– От второго не пахнет, – крикнул Папахонов.

– Веди-веди, сейчас фельдшер разберется.

Старшина Гржейба, что любопытничал на крыльце, и присоединившийся к нему старший сержант Саидов с надменностью взирали на ведомых.

– Ну и уроды, – отметил Гржейба – долговязый, скуластый, с потухшим лицом волка, поруганного стадом овец. – Сбежали, что ли, откуда? Документы есть?

– У вас сильно пахнет Камамбером, – не без достоинства ответил я.

– У нас такие, как ты, всяким говном пахнут, – кивнул старшина. – Ну, так что – нет документов? Давайте на освидетельствование; койки им подготовь, Саидов. Не хер бегать, где не попадя.

Вновь за клубились сущности.

– Я даже не знаю, – покачала головой дебелая сущность женского пола. – Это какие-то неполноценные, уро... лилипуты. Присядьте! – приказала она. – Вытяните руки! Пройдитесь!

Мы с Тем Пачино попытались выполнить ее указания все сразу, и она махнула рукой: оформляйте!

– Тттаа-к, – протянул Гржейба и взялся за наши карманы. – Пишите! – бросил он кому-то назад. – Плащ-палатка... Карты... игральные... смотри-ка, и города карта, с маршрутами! По всем пивным точкам, какие были – помнишь, Папахонов? У тебя такая висела. Молодцы... Брючремень. Ломрасческа. Носплаток. Разные бумажки. Мелочь... двадцать... сорок... пять копеек...

– Там деньги были, – шепнул мне Тем Пачино. – Не меньше сотни в местной валюте. Где же они?

– Молчи, – прошептал я в ответ. – Лишь бы они вернули карты....

– Командир, – Тем Пачино схватывал на лету и немедленно взялся нить. – Командир... картишки-то оставь... перекинуться...

– На что тебе перекинуться? – ухмыльнулся Тормотычинов. – На жопу твою?

– Да забирай, – махнул рукой старшина. – Убогие какие-то. Чтоб тихо у меня сидели! Не то в обезьянник закрою!

В ту же секунду из невидимого обезьянника заскулили:

– Ууу, что же у вас тут так паскудно?...

Крепкий да ладный Саидов пошел разбираться. Из коридора загремел его голос:

– Паскудно? А ты чего же хотел, сволочь? Ты же дома, небось, на пол не ссышь?

– ААА!!! – скулеж сменился ударами и ревом.

– Камамбером пахнет – страшная сила, – сказал я негромко. – Может быть, настоящий Камамбер делают из всех этих.... Ингредиентов?

– Не унижай мечты, Господин, – сурово откликнулся Тем Пачино, облизываясь на карты, которые я уже сжимал в кулаке.

– Я не унижаю ее, – молвил я скорбно. Шестой принцип Камамбера: Он – не сыр.

Тут все засуетились, потому что втащили бородатого мужчину в спортивном костюме; все лицо вновьприбывшего было почему-то перепачкано дерьмом. Доставленный хохотал и декламировал скабрзные стихи. Саидов взял швабру с тряпкой, окунул в ведро и, стараясь не приближаться к задержанному, принялся мыть ему бороду; тот же мычал и благодарно тянулся к щетке.

– Все, отправляйте этих, – приказал старшина. – Поспите ребята, подумайте, а будете себя хорошо вести – через часок-другой отпустим.

Я чувствовал, как он с отвращением кивает головой, про-

вожая нас взглядом.

– Коззззлострой, суки, – процедил он сквозь зубы.

5

У умного человека в мыслях ложка стоит.

Когда стальная дверь, запиравшая нас в нашем скорбном приюте на двадцать шконок, вдруг стала светиться синим огнем, Саидов забеспокоился.

Я тасовал карты.

– Дядя Женья, – сказал я весело и пожал плечами.

– Шестерка трэф, – Тем Пачино сделал свой ход.

Саидов стоял и смотрел, как на двери проступают и переливаются огненные письмена на непонятном ему языке. Старшина, которого он позвал полюбоваться на эти знаки, в наречиях разбирался еще слабее.

– Именем Камамбера! – крикнули мы хором с Тем Пачино.

После долгой паузы засов-таки громыхнул и отъехал.

– Чего шумим? – осведомился Гржейба не без некоторой дрожи в голосе.

Тем Пачино сидел у меня на руках, плотно вжимаясь своей впалой грудью в мою выпуклую. Вокруг нас расходилось электрическое сияние.

– С душком у вас Камамбер, – проскрежетал Тем Пачино. В соседнюю шконку ударила молния, сбив постояльца, кото-

рый так и не проснулся, закутанный в знакомое мне по больнице одеяло.

– Хорошо, на выход, – примирительно сказал Гржейба. Он сразу решил не спорить и этим обманул нас. Когда мы, гордые немудреной, откровенно говоря, магией, прошествовали мимо, они с Саидовым наградили нас сильнейшими ударами по затылкам – такими, что мы отключились на какое-то время, а очнулись уже в автомобиле, который, прыгая, мчал нас куда-то прочь от Слая Медвытрезвителя.

Чуть позднее состоялось событие, уже описанное в низменного Слая милицейском фильме: ночь, улица, фонарь, на пустынном перекрестке встречаются милицейский «газик» и уже знакомая нам «скорая помощь», но цели в том фильме были другие: там, по законам надуманного благородства, Папахонов и Тормотычинов, передавали великодушным врачам срочную роженицу, и этим подчеркивалась преемственность жизни, ее охрана, забота о ней и вообще ее непрерывность. Здесь тоже заботились о жизни, но только не о нашей. Они так спешили, что даже не обратили внимания, как Тем Пачино ловко встроился в мою внутренность.

– Не пахнет, – пожаловался он еле слышно. – Ни тени Камамбера. Ни всплеска Эля.

– Терпи, – я потрепал себя по животу. – Не тесно тебе внутри?

– Вы же говорите, их двое? – возмущались работники скорой.

– Тебе что, выбирать, что ли? – окрысился Папахонов. – Найдем мы тебе второго. Вези пока этого. В нем такие органы – закачаешься. Слону, блин, пересадишь.

Дверца захлопнулась.

6

Седьмой принцип Камамбера: его нет там, где его нет.

В стерильной операционной комнате, куда меня швырнули и прикрутили ремнями к столу, ничем похожим ни на Камамбер, ни на Эль не пахло. Это был Слой, бесконечно удаленный от цели наших поисков.

В лицо мне целились маской.

– Что же это за недоделок? – хрипел высокий человек в халате, маске и колпаке. Он прямо вошел в них из кабинета, держа руки вытянутыми перед собой. – Менты оборзели, впаривают бог знает что. Чего мы из него нарежем, каких-таких органов?

– В музей, – некстати хохотнул какой-то подхалим.

– Твоих мудей, – оборвал его подхалим посерьезнее. – Шеф, мы готовы вскрывать.

– Тем Пачино! – я подал сигнал.

– Ай!! – завизжала операционная сестра; упал поднос. – Из него вылупилась, какая-то штука вылупилась! Чужая! Ай! Она меня укусила, она побежала!

Я бодро спрыгнул со стола, разрывая путы. Это было

не так уж сложно. Я просто выжидал, высчитывая, насколько мы далеки от Обетованного Слоя Камамбера.

Вокруг метались.

– Что мне делать, она кусила! – продолжала визжать медсестра. – Вон, вон она скачет по коридору!

– Ничего, девка, – бросил я на ходу. – За нами пустишься... потом, когда дозреешь...

Ограждаясь от подступавших хирургов, я развернул карточный веер. Четыре тузовые молнии – две красные и две черные – скрестились в единой точке. Над разоренным столом повисла маленькая шаровая молния и стала примериваться, в кого бы ударить первым. Главный трансплантатор вышел, пятясь, из халата и уже крался обратно в кабинет.

Молния ударила в круглую лампу, зависшую над операционным столом. Та рухнула; в наступившей темноте я безошибочно выстроил светящийся карточный мост между собой и Тем Пачино, притаившемся в металлическом биксе для стерильных перевязочных материалов.

– Мы уходим из этого слоя, Спутник, – молвил я торжественно и надменно.

– Да, господин, – отвечал Тем Пачино. – Эти существа собирались пересадить нас той страшной образине, которой нас не хватало. Она не могла без нас жить. И не сможет.

Я мельком взглянул на соседний стол, где траурная гармонь играла себе, накачивая эфир в безжизненное тело.

Мы пошли по карточному мосту и встретились в самом центре. Взявшись за руки, мы прощально помахали распоясавшемуся хаосу. Мост свернулся под нами в огненное кольцо и так же стремительно развернулся, уже заключив нас внутрь.

Исчезая, я проявил милосердие, простер руку и выдернул из сети вилку ненужного аппарата искусственного дыхания.

7

Перед нами стоял дядя Женя.

Обманчиво тщедушный титан, среднего роста сутулый дядечка в темных очках и кепочке: наш дядя Женя, в лакированных черных ботинках, наш боевой наставник и наш товарищ по играм.

Пиковый король в колоде, которую он и держал в своих лапах, покрытых темными трещинами и поросших цыпками. Из кармана некогда клетчатого пиджака дяди Жени торчала древняя карта с указанием маршрутов и троп: лабиринт, который вел, а может быть, и не вел к Истинному Ларьку с подачей Истинного Камамбера. Истинным Камамбером пахло от самого дяди Жени.

Он добро шурился; к редким его зубам прилипли рыбы чешуйки.

Вокруг лениво буянило лето: цвели приятные желтые цветы на длинных стеблях, называвшиеся одуванчиками.

Вблизи от дяди Жени растянулась долгая очередь, состоявшая из знакомых дяди Жени; голова очереди скрывалась в темном дверном проеме, откуда несло затхлой бочкой.

– Торопыги, – пожурил нас дядя Женя, возвращая Карту и карты.

Тем Пачино принялся к Камамберу дяди Жени.

– Близо, сударь! – шепнул он мне, выходя на грань возбуждения. – Это очень близко!

Годичные кольца бессмертных дубов завертели перед моими глазами. Я сел на траву.

– Вы забыли о восьмом принципе Камамбера, – упрекнул нас дядя Женя и наподдал камешек. – К Истинному Пиву из Истинного Ларька не подают Камамбер.

– Но запах! – не выдержал я, готовый сразиться с самым принципом.

– Отсутствие Камамбера не отменяет его эманаций, – дядя Женя хитро подмигнул сначала мне, а потом Тем Пачино.

Из очереди крикнули:

– Дядя Женя! Так ты идешь или нет, что ли?

– Да нет, – добродушно отмахнулся тот с таким видом, будто и очередь эта вся никогда не была ему интересна. – Я в гости иду! – сказал он важно, пошевелив ботинками, которые сверкнули, будто жуки, умывшиеся росой.

Он делал вид, будто явился просто так, постоять, потому что ему-то в гости, а с ними, с которыми он всегда, ему совершенно не по пути.

Тогда какой-то мужчина приблизился к дядя Жене с бутылкой низкого напитка:

– Вы пьете?

– Нет, – беззаботно ответил Пиковый король, глядя в синее небо. – Чревато слезами.

Мы с Тем Пачино стояли понуро, сжимая бесполезные карты. Дядя Женья был с нами, и дядя Женья знал истину. А истина была в том, что много, много родников, но где-то, где известно дядя Жене, обитает он – огненный и вонючий гений Камамбер, невидимый и влекущий через обманные слои своей недостижимостью.

– Можно нам с вами, дядя Женья? – спросил я робко.

– Отчего бы и нет? – удивился тот. – Прибудут дамы, Пика и Треф. Состоятся веселые танцы вприсядку и вприкуску, а то и впрядьявку. Не понимаете? Ну, как в трамвае: не садиться, а присаживаться, и не показывать, потому что показывают врачу, а предьявлять. Это означает: присядь и предьяви, если не хочешь сесть и показать.

Из дома, куда втягивалась очередь, выходили люди с желтыми банками. Многие курили и пили взасос.

– Оно, – кивнул дядя Женья. Он принял нас с Тем Пачино под руки: – Пойдемте, волчата! Вы идете со мною в гости, но вы же идете в гости ко мне.

– Это темное, темное время, – вздохнул он чуть погодя, – эпоха искривления пространства и рыл...

В наших желудках ворочались огнегривые львы.

– Ведомы, ведомы нам эти кошечки, – приговаривал дядя Женья, рассаживая нас вокруг стола. – Зеленоротые юнцы пытаются приструнить их специальным пивом «Гладиатор». Но дело оборачивается бедой, ибо не там ищут...

– Вы как-то удивительно обжились здесь, пускай и в благословенном, но не совершенном Слое, – заметил я, озираясь по сторонам. Повсюду виднелись следы неумелой, но безошибочно бытовой деятельности.

– А? – дядя Женья, занимавшийся огромным серым бидоном, привстал.

– Поосторожнее с Учителем, – шепнул Тем Пачино, кладя мне руку на бедро, давно изувеченное в поисках Истинного Ларька с Камамбером.

– Мои уста на замке, – я склонил голову.

– Не там ищут люди – да и люди ли? – бормотал, разбираясь с кружками и крышками, дядя Женья. – Видел одного... дежурит возле ларька, с петухами встает. Ходит кругами, а тому еще три, два часа не открываться... вообще не открываться... и не то в том ларьке, не живое... Идешь, еще солнца нет, а сторож стоит, снежок утаптывает... Винаграда ему иногда от меня выходит... винная награда...

– Это просто почтительный страж, – высказался неисправимый Тем Пачино.

– Снежок? – настороженно осведомился я. – Здесь бывают снега? Мне казалось, мы в Слое постоянного лета...

– Ты молод, сынок... Вам время тлеть, а нам – цвести... Слои – они та же колода, тасуются... Тебе казалось, будто они – круги по воде? Не так рассуждаешь...

Тем Пачино вторично коснулся моего бедра, указывая глазами на дверь. В дверях стояла Дама Пик. Она была в верхней и некрасивой одежде, из чего следовало что Дама Пик только что вернулась откуда-то, где не ждала увидеть нас тут.

Дядя Женья нагнул бидон и начал разливать жидкость по кружкам. Он затащил сквозь усы:

– Мудя топорща в гневе ратном... герой пришел домой обратно...

Причины стихосложения оставались темными. Мне все больше и больше не нравилось в доме учителя.

– Слуги Хаоса прикидываются силами Правопорядка, – дядя Женья выпрямился и протянул нам кружки. – Не позволяют гнать... О! – воскликнул он, различив Даму Пик, которая так и стояла, в сиреневой куртке, в дверном проеме. – А что? – приосанился он жизнерадостно. – Сейчас сядем, Колбасевича порежем...

– ... Вон! Вон! – вдруг заревела хозяйка, прежде молчавшая.

Дядя Женья стал желт лицом. Полезли глаза, растопырились пальцы; язык стал вываливаться и разбухать.

– Бежим! – Тем Пачино опрокинул стол и вскочил. – Нас опять провели! Скорее...

Я уже раздвигал карточный веер.

– Стойте! – кричал позади дядя Женя, продираясь сквозь вой и свист бури. Дама Пик лежала, поваленная навзничь, и слабо отбивалась. – Обмана нет! Девятый, девятый принцип Камамбера!... Там, за веником, стоят две посуды... хватайте их и бегите, пока ног хватит!... я задержу их... Девятый принцип!...

9

– В котором мы Слое? – спросил я, когда мы остановились и попытались отдышаться на каком-то пустыре.

Тем Пачино сунул палец в рот, выдернул его с пробочным хлопом и выставил, подставляя ветрам.

– Может быть, норд, но и без зюйда не обошлось, чуёт моя душа, – пробормотал он затравленно. – Господин, мы находимся на перекрестке дорог.

Я сел на битые кирпичи. В моей правой руке была бутыль, и в моей левой руке была бутыль.

– Назови мне девятый принцип Камамбера, – велел я Спутнику и Ординарцу.

Тот тяжело вздохнул.

– Камамбер недостижим. Но он везде и ждёт любого, у кого жажда.

Я посмотрел на правую бутылку. Этикетка была содрана, взамен прилепилась бумажка, где рукой дяди Жени было написано: Бутылка номер один, не пить, как бы ни хотелось. На левой бутылке была такая же бумажка, но слова стояли другие: Выпить, если очень захочется. Ниже, мелкими буквами, шла приписка: тогда уж можно выпить и первую.

Тем Пачино расстелил карту некогда существовавших, а ныне по одиночке истребленных ларьков; края он придавил камешками. Прямо на карте он раскладывал хитрый пасьянс, и наши волшебные карты слагались в круг, центром которого был, если верить ориентирам, тот самый пустырь, на котором мы предавались унынию.

Я откупорил левую бутылку, отпил половину и протянул оставшееся Тем Пачино; тот, как всегда, подчинился своему Господину.

– Смотри, – я указал пальцем в небо. – Небесный град Иерусалим.

– Да нет же, – всплеснул руками Тем Пачино, – Это же ларек! Он парит! Он дрожит в воздухе! Ему нет места на земле! Ты чувствуешь запах? Вонючу эту?

Я чувствовал запах и быстро выпил половину жидкости из бутылки, откуда пить запрещалось, но в безнадежных случаях разрешалось. Ларек приобрел четкие очертания. Он подрагивал, с него текло, к нашим стопам, с тяжелыми шлепками, падали клочья пены. Из оконца выглядывал грач в белом чепчике, он забавлялся латунным краном.

Тем Пачино принял бутыль и допил ее до конца. Мы ощутили легкость и начали подниматься к нему, к единственному реальному.

– Мы летим, Господин, – заметил Тем Пачино. – Здесь пахнет гораздо гуще!

Действительно: смрад сгущался, но так и положено Каммберу, который недостижим.

Наши руки скользнули в карманы в поисках мелочи. Потом сплелись. Мы поднимались все выше и выше, покидая Слои и вступая в Центр. Под нами, все дальше и дальше от нас, сверкало порожнее стекло.

© январь – май 2004

Дети Капитала-Гранта

Полине

1

Видеодвойка, установленная в кабинете главврача, считалась признаком заслуженной зажиточности.

Это был подарок от бухгалтерии ко Дню Медработника.

Такой видеодвойки не было ни у кого, потому что не положено. Хотя если взять ту же бухгалтерию, то бухгалтерия могла позволить себе даже плазменную панель. Существует неписанный кодекс, о котором молчат и который соблюдается во всех тонкостях, коим тонкостям каждый учится на своей шкуре. Профессор может ходить на обход с камертоном – проверять, хорошо ли понятна вибрация левой ляжке, зато простой ординатор – нет. На столе у начмеда лежит иллюстрированная Дюрером Библия с закладками, а у заведующих ее не найдешь. Правда, ею можно обзавестись из желания соответствовать, но только простенькой, без картинок. Дверь, за которой сидит Главная Сестра, украшена художественной табличкой с фамилией, именем и коротеньким отчеством, тогда как Старшие Сестры не могут иметь таких красивых табличек, их имена распечатаны на струйном принтере. И так далее.

На любого, кто посмел бы поставить в свой кабинет видеодвойку, посмотрели бы косо. Насчет наглеца единодушно решили бы, что он либо копает под руководство, либо просто дурак.

Соответственно повышался статус единственной уборщицы, удостоенной доступа в кабинет и права вытереть двойку тряпкой. Уборщица пребывала в солидных годах, зарабатывала особые полномочия, имела собственный ключ и порывалась на окружающих.

Надо признать, что Георгий Жорыч Чебуров – так звали главврача – использовал аппаратуру к общему благу и удовольствию. Он записывал все, что казалось ему важным, а потом прокручивал на совещаниях. В основном это были скандальные репортажи о вопиющих просчетах отечественной медицины.

«Киносеанс», – деловито басил Георгий Жорыч, и совещание оживлялось. Всем было приятно посмотреть, как обосрались коллеги; совещание возмущалось, внутренне радуясь, что пистоны вставляют кому-то далекому. Чебуров то и дело отводил глаза от экрана, поджимал губы и строго смотрел на собравшихся. Этими взглядами он подчеркивал профилактический смысл передачи. «Вы такие же идиоты, – читалось во взгляде. – Не приведи вам господь учинить то же самое. Но я-то знаю, что вам просто повезло».

И нынешний день не стал исключением: пятиминутка началась с кино.

Чебуров хищно улыбнулся, снял с полки очередную кассету и со значением потряс ею перед подобравшейся и подтянувшейся аудиторией.

– Сейчас вам будет сюрприз, – пообещал он.

Собрание тревожно переглянулось. Все шло к тому, что обосрался кто-то из присутствующих – мало того, еще и угодил в кадр. Один лишь старенький начмед Кошкин, страдавший паркинсонизмом, мелко тряс головой и выглядел безразличным. Его и так могли уволить в любую секунду, держали из жалости – хотя какая там жалость; его держали козлом отпущения. На него можно было свалить что угодно, и все стекало с него, аки вода с гуся. Он был начмедом по общим вопросам и возвышался над всеми; должность его придумали специально, чтобы не выгонять.

Но сюрприз и впрямь оказался сюрпризом: на экране возник Губернатор.

Он гнал здоровенную каменюгу, а пара подручных усердно, щетками, растирали перед ним дорожку.

Рядом орудовал глава городского законодательного собрания.

– Если кто не знает, это называется керлинг, – пояснил главврач.

Губернатор гонял каменюгу довольно долго. Доктора на-

пряженно следили за его действиями. Они совершенно не понимали смысла этого спортивного состязания – вернее, его значения для себя лично. Гонимый Губернатором булыжник возбуждал в них легкое чувство медицинского страдания.

С почтением насмотревшись на Губернатора, Георгий Жорыч выключил телевизор.

– Вам отлично известно, насколько популярен во власти разнообразный спорт, – заговорил он теперь уже вкрадчиво.

Кошкин тряс головой, заранее соглашаясь со всем, что будет сказано.

Главная сестра Елизавета Фоминична тоже кивнула, но единократно и отрывисто. Ежов, начмед по терапии, поправил галстук. Мохнатый Гуссейнов, начмед по хирургии, утвердительно кашлянул и повел плечами. Фельдман, заместитель по АХЧ, привычно пригорюнился. Он почуял недоброе.

– Теннис, дзюдо, горные лыжи, – продолжил главврач. – Это стиль. Это, если угодно, выражение лояльности, потому что если глава любит теннис, то все вокруг тоже начинают любить теннис.

Он выдержал паузу.

– А теперь главное, – изрек он мягко. – Нам светят гранты. Капиталы. Состоится тендер.

Фельдман восторженно, с него моментально слетела всякая скорбь.

– Вот Генрих Исхакович реагирует правильно, – похвалил его Георгий Жорыч. – Он держит нос по ветру, он оживился. Как по-вашему, кто будет решать вопрос о выделении гранта?

– Губернатор, – догадался Гуссейнов.

Кошкин тряс головой.

– Правильно, – главврач похвалил и Гуссейнова. – Губернатор. В нашем городе две больницы. Дадут либо им, либо нам.

– А пополам поделить? – предположила Елизавета Фомина.

Все посмотрели на нее, как на дуру, каковой она, собственно говоря, и была.

– Нам нужно все, – сказал Ежов.

– Конечно, – кивнул Георгий Жорыч. – Вот Генрих Исхакович не даст соврать. Кровлю ремонтировать надо? Надо. Матрасов прикупить. Сделать ремонт у вас, Илья Васильевич, в четвертой палате, – он кивнул на Ежова.

– И в девятой, – признался Ежов. – Ее нужно располовинить и сделать два люкса.

– Видите? – Чебуров поднял палец. – Мы должны получить весь грант целиком.

– И нам придется проявить для этого лояльность, – Фельдман все схватывал на лету.

– Именно. Теперь вам понятен смысл зрелища, которое я вам только что устроил?

Смысл зрелища теперь оставался непонятным лишь главной сестре.

– Наше спасение в керлинге, – Георгий Жорыч подвел черту. – Мы должны в авральном режиме создать собственную команду, устроить показательное соревнование и победить. И довести это до сведения Губернатора.

– А с кем же мы будем соревноваться? – угрюмо спросил Гуссейнов. – Друг с другом? Это можно.

– Наши конкуренты не дураки, – с горечью молвил главврач. – Они уже точат булыжники.

3

О керлинге в больнице не знал никто и ничего.

Техническое обеспечение спорта вкупе с теорией были поручены Фельдману, и тот немедленно взялся за дело. Через два часа он уже докладывал Чебурову:

– Две команды. Гоняют круглые камни по двадцать кило, с ручками.

– Двадцать кило? – Главврач пришел в ужас. – С ручками? Да где же взять с ручками...

Фельдман тонко улыбнулся:

– Георгий Жорыч. У нас же есть целое отделение трудотерапии. Им все равно делать нечего – выточат вам ручки...

– А камни? Может быть... можно где-нибудь купить? – осторожно спросил Чебуров. – В спорттоварах.

Лицо Фельдмана утратило подобострастие и закаменело настолько, что и само пригодились бы для игры в керлинг.

– Георгий Жорыч. Вам отлично известна наша финансовая ситуация. На какие шиши? Да этих булыжников вокруг... – Он сделал неопределенный жест рукой, и главврач невольно оглянулся. – Любого формата. Наследие ледникового периода. Иди и собирай...

– Кто же будет собирать? – глупо спросил начальник.

– Устроим субботник, – пожал плечами Генрих Исакович. – Заодно территорию уберем.

– Ну, добро. Давай дальше. Что там с ними делают, с камнями этими?

– Их гонят по ледовой дорожке. Надо попасть в центр дома...

– Какого, к черту, дома?

– Это такие круги в конце дорожки. Вот туда и нужно попасть. В команде – четыре участника: скип, третий, второй и ведущий. Они меняются и бросают. Метают. Скип за главного, он все решает.

– Бляха-муха. Что тут решать? Каменюгу загнать в кружок...

– Вот это он и решает. Стоит в доме и показывает метелкой, куда загонять. Потому что очки начисляют только за камни, которые окажутся ближе к центру дома, чем камни конкурентов. Еще он указывает, как гнать, как подметать, как вышибить чужой булыжник – это тоже можно.

– Ладно. Это я могу взять на себя, – уверенно заявил Георгий Жорыч. – С этим я справлюсь. Только этим и занимаюсь по жизни... только и указываю, как гнать, как подметать... А вот зачем они подметають?

Фельдман удивился:

– Чтобы лед был чистый, зачем же еще?

– Ах, ну да, ну да... Надо бы привлечь инфекциониста. Это его хлеб – за чистотой следить.

– Тут есть загвоздочка, Георгий Жорыч...

– Что такое? – нахмурился Чебуров.

– Лед. Где мы возьмем ледовую дорожку? На дворе лето.

Главврач потер переносицу, соображая. Вопрос был принципиально неразрешимый, а потому относился сугубо к его компетенции.

Фельдман восхищенно следил за сокровенной работой его мысли.

– Настелим линолеум, – сказал Чебуров.

Генрих Исхакович мгновенно поскущнел.

– Георгий Жорыч, – затянул он плачущим голосом. – Вы же знаете ситуацию с линолеумом. У нас второй этаж...

– Слушайте, Фельдман, – голос главврача сделался ледяным, и слышно было, как по этой естественной, спонтанно образовавшейся ледовой дорожке гонят здоровенный не булыжник даже, а валун. – За кого вы меня держите? Мне что – ничего не известно про ваши манипуляции со стройматериалами? Мы настелим линолеум, и стелить будете лично вы...

Команда собиралась вяло.

Дело поручили старенькому Кошкину, и он в своем паркинсонизме семенил по этажам, держа в трясущихся руках бумажку.

Георгий Жорыч приказал ему четко: не упрашивать, а вменять в обязанность. Но Кошкин плохо умел вменять в обязанность. Когда-то умел хорошо, потому и вырос в начмеда, однако с годами разучился. И ему, конечно, называли такие поводы к самоотводам, против которых не попрешь.

Тяжелые хронические заболевания. Маленькие дети. Отпуск. Признавались даже во вредных привычках, о которых и так все знали, но закрывали глаза. Эти привычки, конечно, оказывались совершенно несовместимыми со спортом и обещали неминуемое поражение.

Кошкин тыкал скрюченным пальцем в бумажку и порывался что-то сказать, но ему не давали.

Он шел дальше.

Ему было трудно ходить. Вернее, не столько ходить, сколько останавливаться. Особенность паркинсонизма заключается в том, что человеку нелегко начать движение, но если уж он засеменил, его не остановишь. Сердобольные люди придерживали Кошкина за плечо, когда видели, что он достиг конечной точки маршрута.

– Четыре человека! – кричал на него Чебуров. – Четыре! Четырех человек не можете найти! Даже трех. Потому что я – скип.

Кошкин страдальчески моргал. Он не понимал, что такое скип, и думал, что шефу присвоили какую-то новую должность с неограниченными полномочиями. Он оставлял за шефом право именоваться как угодно, хоть Робеспьером. Скип, так скип. В психиатрии, например, кем только себя не называют.

– Дайте сюда! – Главврач вырвал у него из руки пустую и уже порядком измятую бумажку. – Я сам назначу. Идите работайте...

Кошкин пошел работать.

Чебуров нацепил на нос очки и уставился в пустой листок. Потом взял ручку и проставил цифры: от единицы до четверки. Напротив единицы написал себя: фамилию, имя, отчество, должность и стаж полностью. Стоит только начать! Дальше всегда бывает легче. Вообще не задумываясь ничуть, он быстро вписал Гуссейнова, Ежова и Фельдмана. Это вышло у него машинально. И все уладилось.

Сверху он косо начертал: «В приказ» и отнес секретарше.

После этого он вспомнил об инфекционисте, но было поздно: тот ушел на больничный. Дружок из поликлиники нашел у инфекциониста глистов и чесотку – болезни, которые тот подцепил, аки Базаров, во время плановой инспекции этажей. И комар не мог здесь подточить носа.

Новоиспеченные мастера керлинга отнеслись к приказу по-разному.

Гуссейнов сказал, что он так и знал, и махнул рукой.

Ежов нервно грыз ногти.

– Послушайте, – твердил он каждому встречному. – Ведь это какое-то безумие. Надо же все-таки учитывать статус. Придут люди, которые хорошо меня знают. Меня вообще весь город знает. И я начну принародно заниматься этим идиотизмом?

Вскоре он окончательно спятил и предложил набрать команду из пациентов.

– А что? – Ежов вскидывал брови. – Лечебная физкультура.

– Меня в городе никто не знает, да? – ядовито ответил ему Георгий Жорыч. – У меня нет статуса, да?

– Вы скип, – жалобно просипел Ежов.

– А кому же быть скипом? Не вам ли?

Ежов заткнулся.

Фельдман молчал и ходил мрачнее тучи. Он горько пожалел о своем высоком положении и остро завидовал инфекционисту.

– Глисты, чесотка, – бормотал он себе под нос. – И что, по линолеуму не побегать?

Линолеум тоже сильно его огорчал. Он имел на линолеум свои виды.

Что до главврача, тот уже подыскивал место для соревнований. Физкультурный зал его не устраивал: слишком маленький, там не разгонишься. Не годился и тесный вестибюль.

«Хорошо бы на свежем воздухе, – мутно прикидывал Чебуров. – А если дождь?»

Он решил, что дождь – это пустяки. Соревнования под дождем лишь обострят впечатление о лояльности. Георгий Жорыч вызвал Фельдмана.

– Думаю я так, Генрих Исакович. Выкосим траву и настелим дорожки прямо на улице.

Фельдман уныло смотрел в пол. Он сам выкапывал себе могилу, придумывая как лучше, но отступать было некуда. Пока.

Он уже достаточно знал о керлинге, чтобы возразить:

– Не получится, Георгий Жорыч. Дорожка должна быть идеально ровной. А во дворе у нас какая ровность? Ну, выкосим мы траву, но кочки-то останутся. Выбоины, колдобины.

Главврач нахмурился. Нанять каток, залить асфальтом? Нет, это больнице не по карману. Во всяком случае, до получения капитала-гранта, с грантом можно будет и стадион освоить...

– Вынесем стулья из конференц-зала, – пробубнил Фельд-

ман.

Геorgia Жорыча передернуло. Конференц-зал был вторым по святости местом после его кабинета с видеодвойкой. Замахнуться на него пусть даже в благородных целях представлялось кощунством.

Но места там было и в самом деле много. Конференц-зал мог даже поразить воображение своими размерами. И Чебуров нехотя согласился с Фельдманом, признал его правоту. Лучшей площадки ему не найти.

Зам по АХЧ немного ожил:

– Там паркет, – напомнил он с надеждой. – Может быть, обойдемся без линолеума?

Главврач снисходительно улыбнулся:

– Как же без линолеума? Дорожки. Нужны дорожки.

– Прочертим мелом... Навесим флажки...

– Не занимайтесь профанацией, – оборвал его Чебуров. – Это спорт.

Когда зал освободили от мебели, все были просто потрясены тем, насколько больше он сделался. По деревянным просторам гуляло эхо. Содрали растяжку с приветствием участникам областной конференции окулистов. Обливаясь потом, выкатили рояль. Сняли портреты Сеченова и Гиппократов, открутили микрофон – потом, подумав, вер-

нули на место. Микрофон мог понадобиться для спортивного комментария. Вернули и Гиппократу, благо вспомнили о телевидении. Возможен репортаж, и ни у кого не должно быть сомнений насчет профиля соревнующихся.

Стулья-кресла свалили в зал поменьше, где занимались лечебной физкультурой, и заперли его на замок. Главный физкультурник негодовал, но достаточно сдержанно.

– Нам понадобятся фанаты, – сказал Фельдман.

Ему ответил Гуссейнов, который неожиданно увлекся идеей – он рассудил, что раз уж такое дело, то нужно, как говорится, расслабиться и получить удовольствие:

– Вот этих мы точно наберем из больных. На травме лежит сплошное хулиганье, молодняк. Бухают с утра до вечера, так пусть хоть с пользой. Мы нашьем им рогатых шапок...

– «Мы» – это кто?

– Те же больные. В порядке трудотерапии.

– Там уже точат камни, – усомнился Георгий Жорыч.

– Бабульки, что ли, точат? Мы бабулек возьмем. Дадите бабулек, Илья Васильевич? – обратился тот к Ежову. – Они у вас на терапии скучают. Маются дурью. Лежат неизвестно с чем.

– Наладим бабулек, – мрачно сказал Ежов. Он, в отличие от Гуссейнова, продолжал находиться в подавленном настроении.

Что до Чебурова, то состояние его духа неуклонно улучшалось.

– Нас бросала молодость на кронштадтский лед, – промурлыкал он и ласково посмотрел на старенького Кошкина, который крутился рядом и не знал, к чему себя применить.

Но вспомнил о конкурентах и омрачился.

Конкуренты точили камни, когда у Чебурова еще конь не валялся. Предводителем конкурентов был закадычный дружок Чебурова, и Георгий Жорыч знал его как облупленного. Вместе выпили не одно ведро, и Чебуров не без оснований считал коллегу человеком незаурядным. Теперь они оказались по разные стороны баррикады. И коллега, изощренный затаенник, вполне мог устроить сюрприз, то есть подложить свинью.

«У них конференц-зал маленький», – с удовольствием подумал главврач.

Но в этом и минус. Чем труднее задача, тем остроумнее бывает решение.

Георгий Жорыч уже связывался с врагами и вызывал на поединок, бросал перчатку и обещал прислать секундантов. Но вызов не приняли.

– Какой в этом смысл? – коллега басил весьма откровенно. – Если мы будем состязаться друг с другом, то получится совместное мероприятие. Кто же получит грант?

– Победитель, – растерянно пролепетал Георгий Жорыч.

– Брось, дружище. В этой войне победителей не будет. Ты рехнулся? Какие из нас с тобой спортсмены?

– А как же быть? – Чебуров сдавал позицию за позицией.

– Да очень просто. Каждый соревнуется внутри своего коллектива. Нам ведь главное продемонстрировать приверженность и преемственность. Вот кто лучше продемонстрирует, тому и грант.

Крыть было нечем.

Георгий Жорыч решил заслать казачка.

7

Шпионаж вменили в обязанность Елизавете Фоминичне. Она подходила к этому делу как нельзя лучше. Собственно говоря, в родной больнице она только этим и занималась. Мата Хари вернулась с вытаращенными глазами.

– Они готовят крышу, – доложила она срывающимся голосом.

– Какую крышу? – не понял Георгий Жорыч. – У нас с нами одна крыша.

– Нет, не ту – настоящую крышу. В смысле крышу дома. Главврач стал зеленым.

– У них будут фейерверки, – добила его Елизавета Фоминична.

Георгий Жорыч без сил опустился в кресло.

Крыша – идеальная площадка. Там просторно и ровно. Крыша плоская, как у всякой уважающей себя типовой больницы. С крыши можно упасть, и в этом риске заключается такая лояльность, что ему можно попрощаться с грантом.

Величественный конференц-зал вдруг предстал убогим и даже оскорбительным для Губернатора. Гиппократ тупо таращился с портрета незрячими зенками – сочинял свою куцую клятву, не подозревая, какие задачи может поставить перед медиками реальная жизнь.

Главная сестра была очень довольна.

Она принесла неприятную, но важную новость. Она вообще отличалась апокалипсическим мышлением и любила выискивать и выдумывать разные беды, которые вот-вот приключатся. Настоящая беда была намного слаще – она не затрагивала ее напрямую. Елизавете Фоминичне не было дела до гранта; она довольствовалась меньшим, поддерживая тесную дружбу с бухгалтерией.

Чебуров схватился за голову. Взор его опустошился и стал подобен гиппократовскому.

Пришел Фельдман.

– С фанатами и бабушками полный ажур, – доложил он. – Молодежь так уже начала гулять. А на второй травме заработал тотализатор.

– Что там заработало? – Главная сестра не поняла. Она никогда не слышала ни о таком приборе, ни о том, что он ломался.

– Ставки делают и принимают.

– И кто лидирует? – осведомился Чебуров, оглаживая зама мутным взглядом.

– К сожалению, не мы.

– Откуда они все знают? – простонал главврач. – Я не в курсе, а они знают все...

– Так город маленький, – объяснила Елизавета Фоминична. – Они все передружились. Носятся по улицам в своих колясках...

– Мне, что ли, в коляску пересесть? Для лучшей информированности?

Все деликатно промолчали, но кое-кто подумал, что это неплохая мысль.

После долгого молчания Георгий Жорыч обрел прежнюю решимость. И обратился к Фельдману:

– Заносите стулья обратно.

– Я не вполне понимаю, Георгий Жорыч...

– Что тут непонятного? – зловеще ответил тот. – Заносите стулья обратно в конференц-зал.

Фельдман побледнел.

8

Больничная крыша была так себе.

Она давно просила ремонта. Получался замкнутый круг: для ремонта был нужен грант, а для гранта – ремонт. Этот круг следовало разорвать, и Чебуров пришел к единственному возможному решению: первая надобность важнее второй.

Гуссейнов, заразившийся энтузиазмом, сбавил обороты. Он даже сказал:

– Георгий Жорыч, прогуляйтесь по моему отделению. Там много таких, которые озоровали на крышах. А теперь они лежат, и ниже подбородка у них ничего не пашет. Руки только немножко. Вспоминаете? Согнутые в локтях, с контрактурами. Плечами двигают и руками согнутыми беспомощно бьют, как ластами. Как тюлени. Видели тюленя?

– Я видел тюленя, – сумрачно отозвался Чебуров. – И сделал выводы. Занимайтесь своим делом и не срывайте мероприятие.

Он был рассеян и думал о другом. Он отослал своих присных и набрал номер давнишнего знакомого из важных пациентов, генерала авиации.

– Трофимыч, приветствую, – сказал он в трубку. – Послушай, мне позарез нужен вертолет.

Генерал не удивился.

– На рыбалку собрался? На охоту?

– Нет. У нас тут будут своего рода соревнования... мне понадобится видеозапись, вид сверху. Чтобы отослать серьезным людям. С меня литр спирта. А вообще – какой там литр, сколько попросишь.

– Тебе он надолго нужен?

– Да на пару часов. Дату я тебе назову.

– Это можно, – пророкотал Трофимыч.

– А распылить с него что-нибудь можно? Типа триколора? Как «Витязи» делают?

– Можно и распылить.

– Я твой должник, – искренне объявил Георгий Жорыч и дал отбой.

Пускай конкуренты устраивают салют – он тоже устроит салют. Дурное дело нехитрое. А вот видеосъемки с воздуха у них не будет. Вроде мелочь, но жизнь состоит из мелочей, и в Губернаторской администрации обязательно оценят ракурс. Лояльность возводится в степень.

Главврач отправился на крышу, чтобы лично проследить за ходом работ.

Там уже вовсю стелили дорожку из линолеума. Справа и слева торчали трубы, как верстовые столбы. Пациенты-умельцы ладили микрофон и вообще освещение. Обращаться к больничным электрикам было бессмысленно, они не умели заменить перегоревшую лампочку. А вот среди больных всегда можно найти несколько скучающих мастеров, которым нечем заняться помимо домино. Им даже сулить ничего не нужно, у них чешутся руки. Ежов и Гуссейнов надергали таких без большого труда, и работа закипела.

Георгий Жорыч бодрился, но всякий раз, когда оказывался на крыше, ловил себя на том, что ему уже не очень хочется быть скипом.

Дорожка струилась по центру, и до краев было далеко, но все равно делалось неуютно.

Чебуров прогулялся по этой дорожке, мрачно воззрился на завершавший ее круг. С кем же, между прочим, соревноваться? У него только одна команда. И еще одну ему не на-

братъ – все сотрудники давно сообразили, куда дует ветер, и могли противопоставить спорту несокрушимые аргументы.

Он вернулся в кабинет и вызвал к себе заведующего лечебной физкультурой. Безумная идея Ежова уже не казалась ему безумной.

9

Физкультурником был наглый молодой человек, охочий до малолеток и выпивки.

Главврач испытывал к нему неприязнь и называл его не иначе, как именно так: «молодой человек».

– Молодой человек, – сказал он сухо, внимательно изучая собственные руки. – У вас есть пациенты, которым полезно побегать?

Физкультурник шмыгнул носом и почесал прыщавую щеку.

– Ну, найдутся. Штук пять-шесть.

Он не боялся Чебурова и при каждом разносе грозил уходом в санаторий, где физкультурника ждут не дождутся. И это срабатывало, потому что замены молодому человеку не было.

– А они могут погонять каменюгу? – с напускным безразличием осведомился Георгий Жорыч.

Он не уточнял – вся больница давно уже знала, о какой

каменюге речь.

– Да они-то погоняют, – небрежно ответил физкультурник. – Только толку от этого? Они увечные все. Хромают после старых переломов. С ними соревноваться – что ребенка бить.

– Ну, мы тоже не олимпийцы, – заметил Чебуров. – Молодой человек, я убедительно прошу вас провести с ними беседу и собрать в команду.

Тот шмыгнул носом вновь, погромче.

– А если навернутся? – в его голосе звучала издевка.

Георгий Жорыч помолчал, закипая от ярости. Сопляк имел нахальство озвучивать его личные страхи.

– Это под мою ответственность, – напомнил он сквозь зубы. – Ваше дело – сторона.

– Еще бы не сторона.

– Вас еще ждут в санатории? – не сдержался Георгий Жорыч.

– Конечно. Только вчера звонили.

Главврач беспомощно побарабанил пальцами по столу.

– Тренировки начинаются завтра, – он счел за лучшее сместить тему. – Я убедительно прошу вас проявить сознательность и уговорить больных.

Физкультурник рассмеялся:

– Да чего их уговаривать? Они все ребята молодые, отчаянные. Ноги переломали не на ровном месте... У одного так вообще пулевое ранение.

– Вот и назначьте его главным.

– Это скипом, что ли?

Больница пропиталась не только идеей, но и терминологией.

Чебуров немного подумал. Скип в его представлении должен был быть все же один. Он автоматически уравнивал скипа с начальством, и ему было неприятно становиться на одну доску с подстреленным отморозком. Этому противилось все его существо, приученное к единоначалию.

– Вы, молодой человек, не говорите ему, что он скип.

– А то он вчера родился.

– Не говорите, – упрямо повторил главврач.

– Да пожалуйста, – пожал плечами физкультурник.

10

Георгий Жорыч хмуро вертел в руках рогатую шапку, сшитую верными бабульками.

– Цвет подходящий, – признал он. – Зенитовский двуклор, патриотично. Только почему рога не стоят?

Действительно, рога не стояли. Они свисали, как уши у насмерть перепуганного зайца.

– Бабушки недопоняли, – ответил Фельдман. – Я им скажу, они ватой набьют.

Главврач, продолжая рассматривать шапку, придумал новое осложнение.

– Что же – обе команды будут в одинаковых шапках? Как же нас отличат? Как за нас будут болеть?

– Давайте отдадим эти шапки соперникам, – предложил зам. – Для них они привычные. В них они будут как рыба в воде. А для нас пошьют другие. Белые с красными крестиками. И с полумесяцами.

– Это хорошая мысль, – одобрил Георгий Жорыч.

Фельдман воодушевился:

– Да их и шить не нужно! Берем колпаки и только рога пришиваем. Ну и крестики.

– Да, – согласился тот. – Это будет вполне символично и отразит суть.

– Но есть другая проблема, – Фельдман испортил обедню. Брови Чебурова сдвинулись.

– Что еще такое?

– Зрители. Болельщики.

– И в чем проблема? – не понял главврач. – Хулиганы-фанаты с травмы, да средний и младший медперсонал. Наши сестрички переорут любую шпану.

– Дело не в этом, – вздохнул Фельдман. – Их нужно будет где-то разместить. По всему выходит, что по периметру крыши. Улавливаете?

– Вот черт, – пробормотал Георгий Жорыч.

Он живо представил себе, как средний и младший медперсонал превращается в падающие звезды. Насчет персонала он еще отбрыкается, это люди формально вменяемые,

но если упадет рогатый больной хулиган... И все это будет заснято с вертолета...

– Вы уже вернули стулья в конференц-зал?

– Конечно, Георгий Жорыч. Даже лучше стало, чем было.

– Очень хорошо. Выносите их обратно и ставьте на крышу. Типа трибуны. Сидючи небось не грохнутся...

Грамотный администратор не полагается на небось и авось. Чебуров достал мобилу и позвонил начальнику местной пожарной охраны. Это был еще один закадычный приятель из бывших больных.

– Антоныч, – затрубил Георгий Жорыч, – мне нужны твои люди. С меня литр спирта.

– А что у тебя горит? – деловито спросил Антоныч.

– У меня горит важное дело. Мне нужны люди с брезентами.

– С какими еще брезентами? – не понял Антоныч.

– Да что же ты не понимаешь, – расстроился Чебуров. – Брезенты! На которые у тебя погорельцы валятся! Сигают на которые!

Антоныч помолчал.

– Жорыч, – осторожно спросил он, – с тобой все в порядке?

– Не все! Но я тебе потом объясню... Ты мне одно скажи – сделаешь? Оцепление вокруг больницы, и по периметру – натянутые брезенты...

Антоныч помолчал еще немного.

– Литр, говоришь?
– Что там литр! Сколько попросишь, столько и нацēju.
– Ну, будут тебе брезенты. Если пожара не случится.
– Я твой должник, – Георгий Жорыч с облегчением отключился. И повернулся к Фельдману: – Съели, Генрих Исакович? Хватит вам каркать уже. У вас, кстати, есть спортивный костюм? Завтра начинаем тренироваться.

11

Первая тренировка показала, что керлинг в России еще не пустил глубокие корни.

– Мячик погонять – это я еще понимаю, – бормотал Ежов, начищая шваброй линолеум, по которому Фельдман, осваиваясь в роли ведущего, осторожно толкал увесистый снаряд.

В правила игры пришлось внести новые изменения. Никто из участников не был в состоянии придать каменюге достаточное ускорение, чтобы она уплыла далеко. К тому же проклятый булыжник ни в какую не хотел скользить по линолеуму. Поэтому Чебуров принял решение: ведущий бежит по дорожке и подталкивает снаряд, а то и вообще не выпускает из рук, не утруждаясь камнеметанием; так даже лучше в смысле подвижности и общего спортивного оздоровления. Физкультурность от этого только выигрывала, тем более, что этим грешил и сам Губернатор.

«Может быть, даже привьется новый спорт – русский кер-

линг, – мечтал Чебуров. – А что?»

Гуссейнов сосредоточенно растирал дорожку хирургическими махами.

Георгий Жорыч маялся в центре круга-дома и оттуда покрикивал на всех троих, призывая к энтузиазму и резвости. Фельдман поминутно хватался за сердце и показывал, что ему не хватает воздуха и колет в боку. Он двигался еле-еле; опытный терапевт Ежов пристально следил за ним, пытаясь уличить в симуляции, но зам по АХЧ был весьма натурален. Камень и вправду был слишком тяжел для мужчины его лет и комплекции.

Тем печальнее было видеть, насколько успешна команда соперников.

Юные лбы, казалось, нисколько не потеряли от своих застарелых переломов. Они шли уверенно, успешно выбивали врачебные биты, а юноша с огнестрелом выглядел в роли скипа куда увереннее, чем Чебуров.

Георгий Жорыч устроил Фельдману разнос.

– Вы! – орал он, и зык его летел с крыши в согласии с розой ветров. – Вы!... Почему саботируете? Илья Васильевич! Осмотрите его! Снимите кардиограмму... Что вы ваньку валяете, Генрих Исакович?

Фельдман держался за живот и хватал ртом воздух.

– Пойдемте, Генрих Исакович, – Ежов тянул его за рукав.

Осмотр ни к чему доброму не привел: кардиограмма была приличная, но жалобы перевесили, и Фельдман лег под

капельницу. Георгий Жорыч плюнул и полез на чердак.

– А вы продолжайте! – крикнул он через плечо пациентам.

За сохранностью последних следила бригада сестер, выстроившихся по обе стороны дорожки; за неимением брезентов приходилось довольствоваться такой страховкой. Антоныч наотрез отказался обеспечивать безопасность на тренировках и обещал прислать людей лишь на само мероприятие. Его не убедили даже пять литров, даже шесть.

...Когда Фельдман вышел, Чебуров, карауливший его при дверях, немедленно поволок его обратно.

– Подлечились – и славно, – пыхтел он, толкая зама вверх по лестнице.

Правая рука Фельдмана уже привычно тянулась к левой груди, почти женской.

– Я настаиваю на замене, – заявил он из последних сил. – Не берите грех на душу, Георгий Жорыч.

– Кем? – возопил тот. – Кем я вас заменяю?...

Затравленный зам озибался. Зрители отворачивались и прятали глаза, кто-то вспомнил о срочных делах и поспешил вниз.

Взгляд Фельдмана остановился на старом Кошкине.

Начмед-старичок так и не разобрался в происходящем. Он видел, что нечто грядет, но не мог охватить явление

во всех его аспектах. Он забрался на крышу, потому что должность обязывала его быть в курсе. На крыше Кошкин серьезно смотрел на игру и невпопад аплодировал.

Георгий Жорыч поманил его пальцем; Кошкин пригнул голову, потоптался и засеменял.

Фельдман даже задохнулся от величия своей идеи, которую только сейчас оценил в полной мере.

– Смотрите, Георгий Жорыч, – затараторил он возбужденно. – Смотрите на него. Как он идет! Его же не остановишь. Вам просто не найти лучшего ведущего.

Главврач созерцал паркинсонизм в действии, черты лица Чебурова постепенно разглаживались. Наконец, он просиял:

– Да! Вы совершенно правы, Генрих Исакович! Это какой-то локомотив, а не человек.

Движимый недугом, Кошкин едва не промахнулся мимо Георгия Жорыча, так что пришлось придержать его за опущенное плечо.

Чебуров приобнял его и шепнул в седое волосатое ухо:

– Переодевайтесь.

– А? – изумился Кошкин.

– Переодевайтесь, вам сказано. В кои веки раз займетесь делом. Генрих Исакович, вы раздевайтесь. И дайте ему свое барахло.

Кошкина завели за маленькую будку, переодели. Костюм упитанного Фельдмана был ему великоват, но Чебуров остался доволен увиденным. Кошкину объяснили, что ему

не придется делать ничего особенного – только быстренько двигаться и гнать перед собой каменную глыбу.

И Кошкин задвигался.

Со стартом вышла заминка, так что Фельдман легонько его толкнул, но затем Паркинсон засучил рукава. Старик снова засеменял, на сей раз во благо коллектива. И пошел виртуозно.

– Рулежный старик! – орали рогатые хулиганы.

Кошкин никогда не отказывался от порученного и не нырял в кусты. Он семенил с целенаправленностью утомленной стрелы. Камень шел гладко, недуг отменно управлялся с гравитацией. С лицом сосредоточенным и бесстрастным Кошкин вел снаряд к дому, не отклоняясь ни на миллиметр. Щетки мелькали перед ним; казалось, что Ежов и Гуссейнов из восхищения желают начистить ему обувь, да только никак не умеют дотянуться, мешает булыжник. Чебуров поджидал начмеда в доме, хищно вытягивая шею. Когда Кошкин влетел в круг вслед за глыбой, не будучи в силах притормозить, главврач придержал его за плечо. Вот он, тяжелый труд скипа, вот ответственность. Без Чебурова Кошкин наверняка бы доковылял до края крыши и сверзился к чертовой матери.

Георгий Жорыч разволновался от восторга.

– Константин Николаевич назначается постоянным ведущим, – объявил он. – Мы немножко изменим правила и не будем чередоваться.

Лица Гуссейнова и Ежова просветлели. Чистить дорожку

перед главным начмедом им было не привыкать; в каком-то смысле они занимались этим изо дня в день.

Сам Кошкин слегка запыхался. Бита скользила хреново, зато к истребованной манере передвижения он давным-давно привык. Главврач собственноручно натянул ему на череп рогатый колпак с крестом, и начмед стал похож на тевтонского рыцаря. Это отметили все.

– Был бы у нас настоящий лед, мы бы устроили ледовое побоище, – пошутил Ежов.

– Ролевые игры, – кивнул Фельдман. – Губернатор, часом, не увлекается?

– Если только в «Госпожу», – ядовито ответил Гуссейнов. Чебуров нахмурился, и хирург замолчал.

Все складывалось великолепно. Георгий Жорыч позвонил конкуренту. Вторично. На сей раз он чувствовал себя на коне, и разговаривал издевательски.

– Как настроение? – осведомился он ласково и вдумчиво. – Кто у тебя побеждает, какой счет?

Коллега безошибочно уловил настроение врага и забеспокоился. Его недавний оптимизм пошел на убыль.

– Слушай, – ответил он не по теме. – Если твоя змея еще раз к нам заползет... Как ты ее терпишь? Эта холера всюду суется и сплетничает.

– Я ей не сторож, – радостно объяснил Чебуров. – Чего это ты на нее взъелся? Ты же ее в свое время...

– Мало ли кого я в свое время, – огрызнулся враг.

– Стульев хватает? – продолжал издеваться главврач. – Ожидается аншлаг?

Говоря так, он вспоминал о брезентах и вертолете, и ему было хорошо.

– Ожидается, – стоически отвечал коллега. – Ты слышал прогноз погоды? Выходные будут чудесные. Ясно и солнечно, ветер южный.

– Ах, даже так... Ну, тебе крупно повезло.

Теперь Чебуров был полностью удовлетворен. Конкурент проболтался. Если он дожидается выходных, то Георгий Жорыч не станет ждать.

Он весело пожелал коллеге успеха, перебросил листок настольного календаря и обвел число красным фломастером. Потом связался с генералом Трофимычем и пожарным Антониным; объяснил, что вертолет и брезенты ему желательны завтра.

Покончив с техническим обеспечением, призвал команду.

Фельдман, хотя больше не состоял в ней, явился тоже, ибо испытывал смутное чувство вины.

Георгий Жорыч не держал на него зла, премного довольный Кошкиным.

– Генрих Исхакович, – сказал он приветливо. – На ва-

ши плечи ложится музыкальное сопровождение. – Он пощелкал пальцами. – Что-нибудь такое... чтобы впечатлить, но не эпатировать.

– Это легко, – оживился Фельдман. – «We are the champions», конечно.

– По-русски можно? – поморщился Чебуров.

– «Мы – чемпионы». Эту штуку везде поют, она годится для любого мероприятия.

– Ее гомосек поет, – вмешался Гуссейнов. – От СПИДа помер.

– Исключено, – немедленно отреагировал главврач.

– Почему? – искренне удивился Фельдман. – Ведь Губернатор...

– Губернатор здоров. Зачем дразнить?

– Ну, тогда я поищу что-нибудь шотландское, – согласился зам. – Если керлинг пришел из Шотландии, то вполне оправдано...

Георгий Жорыч вновь воспротивился:

– Не надо нам ихних волынок! Неужели нет ничего отечественного?

– Разве что гимн...

– Под гимн мы наградим Кошкина кубком... Кстати, на ваши плечи ложится и кубок. Сходите и купите что-нибудь. Какую-нибудь вазу.

– Под товарный чек, – предупредил Фельдман. – А музыка... давайте тогда эту, футбольную. Ее всегда перед матча-

ми исполняют.

– Оле-оле, что ли?

– Да нет же. «Оле» будут кричать наши фанаты. «Россия, вперед».

– Лучше – «больница, вперед», – вдруг проскрипел Кошкин.

Чебуров удивленно вскинул брови:

– Константин Батькович! У вас, ей-богу, наблюдается вторая молодость. Второе дыхание, бабье лето.

Ежов запел футбольную музыку, и Чебуров узнал.

– А, это... ну, пожалуй. Вы поняли, Генрих Исакович? Обеспечьте.

Фельдман состроил скорбную мину:

– Где же я ее возьму, Георгий Жорыч? Я таких записей не держу.

– Чего же тогда предлагаете, с советами лезете?

Главврач выругался и взялся за телефон. Он набрал номер старинного знакомого из пациентов, председателя местного футбольного клуба.

– Алло, Капитоныч? У меня к тебе просьба, с меня литр спирта...

Снизу казалось, что крыша парит себе в ясном небе. Роскошная, великолепная, многолюдная, она виделась незави-

симой от убогого типового здания, на котором держалась.

Пожарная команда оцепила больницу. Пожарные скучали и завидовали зрителям; они тоже хотели посмотреть матч. Но вместо этого им приходилось стоять смирно и удерживать в натянутом состоянии брезенты, предмет вождения Георгия Жорыча.

Высоко над крышей стрекотал вертолет.

Оператор – старинный знакомый Георгия Жорыча из числа пациентов – сидел в проеме наподобие американского ястреба, собравшегося клевать Вьетнам, и целился в крышу видеокамерой.

Георгий Жорыч, спортивный до глубины души, переминался в центре круга. Рогатые трибуны гудели. Глумливый физкультурник возвышался над Кошкиным, готовый по сигналу придать ему ускорение. Размах происходящего произвел впечатление даже на молодого человека, и он против обыкновения помалкивал. Команда соперников, предчувствуя поражение, ненатурально веселилась и нервировала Чебурова притворными намерениями прыгнуть вниз. Хромой ведущий поминутно срывался с места, бежал на край, где изображал ныряльщика, собравшегося искупаться в незнакомом омуте. Пожарные – маленькие в силу оптического обмана – угрожающе матерились и подбирались, готовые встретить пустоголового инвалида хлебом и солью.

Главврач потянул к себе микрофон и обратился с при-

ветствием. Он пошел на экспромт. Приветствие переросло во вступительное слово, так что Чебуров запутался в импровизации.

— О спорт, ты — мир... — сказал он в итоге. — Весь мир, то есть — спорт. Вроде нашего. Нашего мира. И нашего спорта. Погнали!

И дал отмашку.

Физкультурник толкнул, Кошкин побежал, вертолет нависал заинтересованным насекомым. Фельдман, белый, как снег, подбежал к Чебурову с фланга:

— Георгий Жорыч! Вы смотрели сегодня телевизор?

— Уйдите отсюда, Генрих Исаакович! Какой, к чертовой матери, сегодня телевизор?

— Георгий Жорыч, Губернатора взорвали.

Главврач выпустил микрофон. Ноги у него сделались ватными. В огорченном животе, солидарном с Губернатором, лопнула вакуумная бомба.

Фельдман, не дожидаясь вопросов, докладывал:

— Он тоже играл, и ему заложили полкило тротила в каменюгу. Ее загнали в круг, и она бабахнула. А Губернатор там стоял скипом. Все кишки с мозгами повылетели. Говорят, что это все наша крыша.

В Георгия Жорыча врезался Кошкин, но тот этого не заметил. Он смотрел на гладкий булыжник, обнаруживая в себе рентгенологические способности и пытаясь угадать внутри смертоносный заряд.

– Говорят, что это все крыша, – снова и снова твердил зам. – Милиция говорит. – Слюна летела во все стороны, тоже солидарная с Губернаторовыми внутренностями. Она подражала кишкам и мозгам, выказывая лояльность.

– При чем тут крыша? – спросил Чебуров бесцветным голосом.

– Не эта, не настоящая. А наша крыша... наша и вражеская. Они вроде тоже хотели грант.

– Мы бы его попилили... – главврач уподобился наивной Елизавете Фоминичне. Так бывает. В минуты стресса человек нередко склоняется к сугубо животным реакциям.

– Оно конечно, да они хотят весь...

Георгий Жорыч вышел из круга и пошел прочь.

Фельдман устремился за ним:

– Георгий Жорыч! А как же...

Грандиозные преобразования – ремонт в четвертой и девятой палатах – расползались у него на глазах, как воздушные замки. Кошкин одиноко подрагивал в центре круга, дожидаясь, когда его подтолкнут. Он медленно превращался в живую легенду.

– Фонтан, – бросил Чебуров, не оборачиваясь. – Мы же собирались построить в вестибюле фонтан? Вот из камней его и выложим.

– Это пожалуйста, – закивал Фельдман. – Но...

Не слушая его больше, Чебуров скрылся за дверью, где был чердак.

Вертолет все висел, чуть покачиваясь, и воздух дрожал от винтов, преобразаясь в очевидную паркинсоническую рябь. Показались первые тучи. Небеса надвигались, не в силах затормозить.

(с) май – июнь 2008

Добрый вечер

У меня много друзей. Я говорю им: добрый вечер.

– Добрый вечер, Мари-Луиза.

– Добрый вечер, Виссарион.

– Привет, Захарий.

– Мое почтение, Джек.

– А вот и я, дорогая Настасья, что нового?

Они отвечают по-разному.

Мари-Луиза нараспев произносит:

– Добрый вечер, сударь.

Виссарион взлаивает:

– Добрый вечер, старина.

Захарий бурчит:

– Привет, привет, давненько не виделись.

Джек молчит, покусывает мне руку, накрывает на стол.

Смешно он, однако, топчет.

– Я вконец извелась, – жалуется Настасья. Сахарная пудра раскисает в сиропных слезах. – Я сохну. Я таю.

Отвечаю:

– Ну, ничего, ничего. Сейчас сядем кушать.

Мою руки, включаю телевизор. Репортер рассказывает о достижениях конверсии. Масло вместо пушек: вот наш сегодняшний девиз.

Джек приносит полотенце, виляет хвостом. Я поправляю

ему очки, мягко выговариваю:

– Эх, ты, голова – два уха. Грыз? Дужка вон треснула.

Джеку стыдно, он прячется. Из столовой доносится невнятный разговор. Мне хорошо с моими друзьями. Раньше я был одинок, но теперь все в прошлом.

Вхожу в столовую, все в сборе, расселись по местам.

Повязываю салфетку.

Я, когда ем, не свинячу, но всякий прием пищи – важный ритуал.

– О чем разговор? – спрашиваю их бодро.

– Захарий занудничает, – объясняет Виссарион. – Разводит бодягу про смысл жизни.

– Да? Любопытно, – я отхлебываю из кружки. – И в чем же, Захарий, ее смысл?

– Смысл жизни в том, чтобы жить, – хмуро изрекает Захарий. – Ограниченность мышления и стереотипы фантазии не позволяют выйти за рамки доступного. Надо просто жить, не раздумывая, и не гневить Создателя.

– То-то ты не раздумываешь, – насмешничает очаровательная Мари-Луиза.

– Dixi, – огрызается Захарий.

– Ну, а ты как думаешь, Настасья? – обращаюсь я к моей сдобной толстушке. Мочи нет, как люблю ее.

– Людьми надо быть, – ворчит Настасья. – Вот вам и весь смысл.

Джек, сверкая очками, встает на задние ноги: служит.

– Правильно, Джек, – хвалю я его. – Долг.

Все, кроме Захария, аплодируют. Захарий куксится, он чем-то недоволен.

– Хорошо, – я отхлебываю снова. – Кто сегодня расскажет притчу?

– Позвольте мне, – просит Виссарион.

– Изволь, дружище, – я откидываюсь на спинку кресла и закуливаю. Привычка – вторая натура, хотя курить перед едой ужасно вредно. Мои друзья весьма деликатны, они делают вид, будто ничего не замечают. Даже Настасья.

– Сказка про Данко, – откашливается Виссарион. – Давным-давно, когда люди жили среди трав и деревьев, нашелся среди них один Данко, молодой человек. И сказал им: пошли! И вот они шли, шли, и тени сгущались, и призраки мерещились, и вопили тропические птицы. Пока не стало темно. Тогда неблагодарные люди закричали: мы не видим дороги, куда ты нас завел? И приступили к Данко, намереваясь его разорвать. Но он не стал ждать, пока его разорвут, и сам вынул из груди пылающее сердце. Сердце осветило дорогу, и все пошло дальше.

– Замечательно, Виссарион, – я качаю головой, искренне поражаясь его смышленности. – Это все?

– Нет, там еще есть, – говорит Виссарион. – Через три или четыре часа люди стали кричать, что они голодны. И начали подступать. Тогда Данко, уже бессердечный, приманил орла, и орел выклевал ему печень. Данко поднял ее высоко, пока-

зал, а после бросил людям, и люди наелись, а тени, посрамленные, немного отступили.

– Так. Очень интересно. Что же было потом?

– Потом началась чаща, а за чащей – трясина, а за трясинной – луг без конца и края, а за лугом без конца и края – горы, а за горами – кишлак, а за кишлаком – опять трясина, и чаща тоже. И люди окружили Данко, который шел, как заведенный, и начали ругать его и проклинать за то, что он их, дескать, завел, неизвестно куда. Тогда Данко, подумав, шагнул к развесистому дубу и треснулся о него головой так, что мозги вылетели. И, когда они вылетели, он взял их в руку, где раньше было сердце, давно сгоревшее, и поднял высоко, освещая путь. А люди увидели в мозгах ужас, как много мыслей!

– Просто здорово. Чем же все кончилось?

– Кончилось тем, что они стали питаться этими мыслями, и все умнели, развивались, пока не развились до программы конверсии.

– Bravo! Bravo! – мои друзья в восторге, они дружно хлопают. Я растроган. Надо же – всего рупь семьдесят четыре.

– Ну, пора за дело, – говорю я торжественно. – Притчу мы выслушали. Кто прочтет молитву?

– Я, – поднимает руку Мари-Луиза.

Я складываю ладони лодочкой. Мои друзья делают, как я – кто во что горазд. Ясно, что лодочка получается не у каждого.

– Создатель многоликий, – четко и старательно выговаривает Мари-Луиза, – благослови сию мирную трапезу. Не забудь нас в своих помыслах и планах, восстанови нас в премноженном совершенстве. Содержи наш рассудок в смирении, сохрани в нас кротость, и пусть калорий будет столько, сколько отмерено, а что сверх того – то от лукавого. Аминь.

– Аминь, – отвечает ей эхо.

Я смахиваю наверхнувшуюся слезу. Подставляю ладонь, Мари-Луиза легко на нее запрыгивает. Одной ножкой она стоит на линии жизни, другой – на линии ума. Мари-Луиза – сосиска, рупь сорок три. Я скусываю ей головку, вдумчиво жую. Она продолжает стоять, ожидая дальнейшего употребления. Беру кружку, запиваю.

– Начни с горячего, – укоризненно вмешивается Настасья. – Желудок испортишь.

Я смотрю на нее виновато, откладывая Мари-Луизу, тянусь за Джеком. Режу его в мелкое крошево, беру на вилку. Он хорошо прогрелся и не остыл, несмотря на предобеденные разговоры. Закусываю очками, беру Захария, крепко сжимаю. Захарий широко разевает рот, из которого прямо на Джека сползает горчица. Я переворачиваю Захария, сжимаю противоположный конец, и на Мари-Луизу вываливается хрен.

Божественно. Как тонко придумано: у каждого органа, помимо декоративных функций, есть пищевое предназначение.

Чавкаю.

– Ешь с хлебом, – напоминает заботливая Настасья.

Беру Виссариона, отрываю зубами корку. Одновременно прислушиваюсь к телепередаче: там теперь показывают документальный исторический фильм. Первые успехи клонирования и селекции, зловещие планы военщины. Первые гибриды: человек-свинья, человек-дельфин, человек-боевой слон, человек-ящер. Разумеется, это солдаты, чего еще ждать от ястребов в погонах. А также сержанты и офицеры младшего звена. Вооруженные гориллы, морозоустойчивые альпийские стрелки. Акции протесты, митинги, мирные шествия.

Доедаю Мари-Луизу, запиваю.

Бархатная революция, курс на мирную жизнь. Повальная конверсия. Первые опыты скрещивания человека с продуктами питания. Первая ромовая баба. Поющее масло, танцующий батон. Президент в наброшенном поверх пиджака халате посещает кулинарный роддом. Первая потребительская корзина – малая. Она включает Виссариона, Захария, Мари-Луизу и Джека. Я сластена, могу себе позволить еще и Настасью, на десерт.

Я холостяк и в еде неприхотлив.

Завтра мне выплачивают жалованье. Куплю Большого Степана, который пиво. Надо же, до чего дошла человеческая мысль: самого Степана, то есть емкость, можно сдать, и заплатят.

Тем, что осталось от Виссариона, подчищаю тарелку. Смахиваю крошки: пряжку от туфельки Мари-Луизы, усы Захария, рожки Джека.

Настасья сидит на чайнике, пряча его под широкой юбкой. Я раздеваю десерт, снимаю обертку, кусаю, жую, глотаю.

Убираю со стола.

Друзья ушли, я один, однако не унываю. Завтра набыю холодильник.

Я готовлюсь ко сну.

Читаю вечернюю молитву.

Забираюсь в постель, листаю Библию, Книгу Притчей Соломоновых. Нет, серьезное чтение в голову не лезет. Беру авантюрный роман, засыпаю на пятой странице.

Мне снятся друзья.

Я о чем-то с ними спорю, мы куда-то идем; нас окружают долины, леса и горы; впереди – далекое, нестерпимо яркое сияние.

© октябрь 2000

Долина тени

Он слабо знал Писание, обратное было бы странно. Он существовал себе по примеру большинства; не выделялся ничем, ходил в присутственное место, содержал немногочисленное семейство, водил знакомства и дружбы.

Он был начитан, но поверхностно и бессистемно; его окружение было таким же.

Когда он скоропостижно преставился, то помнил из прочитанного лишь малую часть псалома: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной...» Давным-давно ему вдруг показалось что это важно, и он запомнил целенаправленно.

Он сознавал вдобавок, что эти слова всегда занимали его воображение, тесня ограниченные во времени и непонятные по своей сути мытарства – предмет отечественных верований.

Ему рисовалось оформленное зло, готовое вцепиться в него, как только он пересечет черту и ступит в долину. Это были чудовища, воплощенные то строгой графикой, то юродивой живописью. Они отличались внешне, они различались по сути; он допускал даже наличие уродливых душевных фрагментов, нашедших себе жалкое формообразующее пристанище. Какие-нибудь носы и губы на тоненьких ножках и в шутовских колпаках; летающие оскаленные рты, ша-

гающие уши.

Все это встретит его, визжа и причитая, обнимет и уволочет, а еще вероятнее – разберет на детали и отпустит жить вечной увечной жизнью в потустороннем мире.

И уберечься возможно единственным способом: не убояться и продолжать идти. Не убояться же можно тоже только одним путем: не забывать, что надо не убояться. Вот этого он, когда приходил в подходящее настроение и размышлял о горнем, боялся больше всего. Едва он окажется в долине среди чудовищ, как всякая память о том, что нужно спокойно шагать и на все наплевать, может выветриться. Он вздрогнет, или отпрянет, или прикроется локтем – это будет равнозначно ошибке канатоходца.

Так обязательно и случится, потому что причины, по которой можно не убояться, он не видел. Псалом указывал на причину: «потому что Ты со мной». Но в этом-то он сомневался всегда, ибо рядом с ним никогда не было никого с большой буквы. И не был уверен, что заявленное спутничество явится достаточным основанием для безбоязненного путешествия. Так думал, и думал, и ничего не решал, и бросал, и помер, когда не ждал, но сразу сообразил, что с ним произошло, и вздохнул прерывистым вздохом, когда осознал, что память не изменила ему и он помнит спасительные строки.

Переход совершился резко, без зависаний над бездыханным трупом, без полетов по светящимся коридорам. Мину-

тами раньше он испытывал дурноту и головокружение, а сейчас его самочувствие казалось вполне приличным, и он стоял посреди долины, которая позади него простиралась до горизонта, и с флангов простиралась до горизонта, а впереди заканчивалась едва различимым горным кряжем. Было не темно и не светло – скорее сумрачно наполовину и пасмурно наполовину. Ни солнца, ни луны; и вряд ли он дышал привычным воздухом: он дышал, у него подрагивали ноздри, он делал выдох и вдох, но не чувствовал, что дышит.

Под ногами был пепел вперемешку с камнями-голышами. Он огляделся, приглашая чудовищ, но никто не пришел. Он прищурился: должно быть, они явятся из-за гор, где сейчас выжидают и готовятся. Что ж – коли так, он пойдет им навстречу; к тому же горы служили каким-никаким ориентиром.

Прежде, чем сделать шаг, он чуть склонил голову набок и негромко предупредил:

– Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла...

Произнеся эти слова, он выждал немного, ожидая последствий. Ничего не происходило, и он тронулся в путь.

Он был одет в какую-то одежду, однако никак не мог разобраться, что же это такое – штаны и рубаха или нечто цельное, вроде туники или хламиды; ноги остались босыми, но пепел был мягок, и шагалось легко. Через десяток шагов одежда перестала занимать его воображение. Так он дошел до пышного куста белого шиповника, вокруг которого сосредото-

ченно и опасливо ходил маленький мальчик в панаме и с сачком. Ни куст, ни мальчик посреди долины не показались неуместными; он не задался вопросом, откуда они взялись, ибо сознавал, что находится в необычном месте, и приготовился к неожиданностям. Нет, не так: эта встреча напоминала сон, где появление чего-то или соседство с чем-то не удивляет, и спящий деловито включается в предъявленное событие. Но только напоминала, потому что никто не спал; не спал же никто потому, что пробуждение не предусматривалось.

Куст был полон шмелей; они зависали над белыми цветками, всплывали внутрь и зарывались в сладкую сердцевину.

Мальчик остановился, наморщил лоб и принялся ожесточенно расчесывать голую ногу. Он был одет в короткие штаны с ляжками, крестообразно пересекавшими белую майку. Он присмотрелся: он расчесывал розоватый волдырь там, куда ужалил шмель, и он припомнил, что это произошло накануне. Он был одет, как уже сказано, во что-то такое, не пойми что – не то в тунику, не то вообще пришел сюда без одежды. Он перестал чесаться и осторожно вскинул сачок.

Он видел, что мальчик охотится на шмелей, и ему захотелось остановить его, но мальчик не замечал его, и он довольно долго размахивал руками и предостерегал его от того, что он собирался сделать, благо припомнил, что это будет за действие, однако он продолжал подкрадываться к кусту, выбирая шмелей, наиболее увлеченных своим насекомым заня-

тием, и явно намереваясь захватить сразу несколько. И это были очень крупные шмели, иные размером с мышь или крысу; мохнатые, полосатые. Он опустил сачок и начал кричать, чтобы он отпустил шмелей, которых в сачке оказалось сразу четыре штуки, но он не услышал, и отскочил, и положил сачок на землю, и искал голыш. Он подобрал самый крупный, и протянул руку, чтобы схватить его за ляжки и оттащить подальше, пока не поздно, но рука не дотягивалась, а он уже бил голышом по сачку, в котором гулко бились шмели, лупил с недетской силой, и он видел, как у него расширились и перестали мигать глаза, а рот приоткрылся, и ему отчаянно хотелось поскорее убить этих шмелей, потому что он был сильнее и с сачком, а они ничего не могли ему сделать, увлеченные цветами, и было очень жалко шмелей, которые слишком поздно поняли, что в сачке, и сок брызгами вылетал из шмелей вместе с тем, чего они насосались из шиповника, а он поправил панаму и начал топтать шмелей каблукom сквозь сетку сачка, и тянулся рукой, чтобы остановить его, но промахивался, и только кружил, разметывая пепел, и разгневался на него, который был он, потому что это был он с сачком, и понял, что за этих шмелей ему придется ответить.

Он понял, что сам себя не сможет простить за этих шмелей.

Мальчик узнал, что даже если не будет больше явлено ничего помимо этих шмелей и сачка – а это не так, будет явлено

еще очень и очень многое, так как жил он довольно долго – он все равно не сможет себя простить.

Он испугался и посмотрел по сторонам, не найдется ли рядом кого-то, способного это сделать – списать с него зло, потому что сам он не находил в себе силы прощать себе. Мальчик ходил, выбирая новых шмелей.

Дальше, за мальчиком, шагах в пятидесяти, возникло что-то еще; и дальше, и дальше, много чего возникло, но он покамест застрял у куста шиповника, а миражи позднейшего времени заполонили долину до самого горного края, куда ему было заказано двигаться дальше.

Мальчик убоился и продолжал озираться в поисках помощи, но был один.

© июль 2007 Москва – СПб

Вчерашний день

– Тьфу ты, черт, – заругался домашний человек по имени Цезарь.

Звали его незаслуженно громко. Он ничего такого не делал, чтобы так называться; он просто собирал мусор, чтобы вынести на помойку. И у него порвался мешок.

Казалось, что мешок о чем-то предупреждает, но мало что может, немой и меньший.

Цезарь, растопырив мокрые пальцы, взял новый мешок и вложил в него лопнувший. На пол натекала свекольная лужица; вывалился еще какой-то поразительный предмет, совсем незнакомый, разложившийся.

Помойка была за углом. Цезарь надел ботинки и пальто, застегиваться не стал. И шапку не надел, и брюк не сменил, так и вышел в спортивных, лоснящихся. Это были не брюки, а просторные шаровары с лампасами и символами.

Двор дышал морозом, градусов пять. Погода была такая хорошая, что хотелось купить что-нибудь чудовищное – например, газету «Зятек». Цезарь, выбирая места помельче и огибая сугробчики, заспешил к ледяным багровым бакам.

В десяти шагах от разноцветного мусора скрипели качели, галдели малыши, курили и кутались в шубы молодые мамы. Еще там стоял один папа, он очень громко разговаривал: так, что даже Цезарю удалось кое-что услышать из его беседы –

с мамой, разумеется.

– Воспитательница нам велела... – начала мама. А папа ее перебил:

– Какая, в жопу, воспитательница, в рот ей ноги, надо еще посмотреть, что за воспитательница, может, ей рот порвать надо, – вот что говорил маме папа.

Цезарь поднял ношу перед собой, готовясь отправить в бак. Но его придержали за локоть, и он нечаянно прижал ее к груди.

– Тьфу, зараза! – он снова выругался. На этот раз ругательство получилось удивленным.

– Не бросайте, пожалуйста, ваш пакет. Положите его на землю.

Цезарь насупил брови и воззрился на отталкивающего вида мужчину: полного, с дряблым лицом отставного евнуха. Мужчина был одет в черное пальто, которое он, судя по некоторым признакам, выудил из бака; на макушке пристроилась шапка-пирожок. На рукаве была красная повязка.

– Что вам нужно, зачем вы цепляетесь?

Мужчина надулся и выставил левое плечо:

– Контроль утилизации! Вы разве не видите мою повязку?

– Ну и что? – пожал плечами Цезарь, но мешок опустил.

– Мы изучаем структуру отходов. Показательная проверка, выборочное социологическое исследование. Граждане! – закричал мужчина. – Попрошу вас на минутку подойти ко мне! Санитарная служба! Будете очевидцами!

Он правильно рассчитал и выбрал верное слово, потому что никто не хотел оказаться свидетелем, и никто не желал быть понятым, но вот очевидцами мечтали стать все. Приблизились праздные мамы; они поминутно оглядывались на детей, поглощенных снеговиками. Подошел и угрюмый родитель, приход которого решил дело. Цезарь испугался этого папы. И не отважился перечить.

– Вываливайте ваш мусор, – приказал мужчина с повязкой. – Прямо сюда вываливайте. А мы поглядим, что вы выносите.

– Это он тут все запакостил? – грозно осведомился папа и смерил Цезаря недобрый взглядом.

– Нет, не он, – отозвался мужчина. – Тут дело в сопоставлении пропорций. Сравнение процентных соотношений. Мы берем отдельный микрорайон и проецируем на городскую свалку...

Мамы сгрудились в стайку и внимательно следили за ходом работ. Подтянулись и дети; они окружили мам и стали показывать на Цезаря лопатами и vareжками.

Цезарь присел на корточки, осторожно взял мешок за уголки. Он начал трясти. Каркнула ворона, подскочил воробей.

Две или три мамы, не сдержав любопытства, шагнули вперед, приблизились. Цезарь покраснел и отступил от мусорной кучи. Ему вдруг стало жаль свои отбросы. Они лежали беззащитные и трогательные, родные.

Мужчина с повязкой вооружился длинной палкой с гвоздем и ковырнул кучу.

Мама постарше надела очки.

– Ну, и что там? – мрачно спросил папа, перетаптываясь с ноги на ногу.

– Чайный пакетик, – мужчина поддел гвоздем нитку и поднял отброс. – Чай «Липтон». Вы пьете этот чай? – обратился он к Цезарю.

Цезарь нехотя кивнул.

– Это очень интересно! – мужчина втянул ноздрями воздух. – Вы не представляете, до чего приятно порыться. Еще пакетик. Два даже. Смотрите, переплелись... Вы пьете много чаю!

Мамы засмеялись. Цезарь засунул руки в карманы и пожегся, жалея, что плохо оделся.

– Какая-то тряпка... – пробормотал мужчина с повязкой. – Вся в крошках, что-то прилипло, мокрая... наверное, кухонная, судя по размеру. Вы не разбрасывайтесь тряпками-то. Широко живете... Сигаретная пачка «Мужик». Сигаретные окурки. Гражданин, оказывается, курит сигареты, и скуривает не до конца. Вот посмотрите, какие жирные бычки оставляет, а?

– Лютует, – согласился папа, уминая снег.

– Целлофановые пакеты. Батюшки! Один, два, три... пять... семь! Семь пакетов. Тут этикетки, граждане. Пельмени... российские. Полкило было. Еще пельмени! Труха даже

осталась. Да-а...

Цезарь пригладил скудные волосы:

– Я не понимаю, что вы там ищете...

– Вчерашний день, – иронически откликнулся мужчина. – Упаковка от импортных сосисок. Подходите поближе, не бойтесь, вы мне не мешаете. Только не наступите. В эти сосиски, между прочим, добавляется курятина. Улавливаете, какие вырисовываются вкусы?

– Ясное дело, коню понятно, – папа всмотрелся, заклокотал носоглоткой и харкнул.

Мужчина с повязкой внимательно на него посмотрел, тоже высморкался, но уже снегом, и вернулся к своему занятию.

– Бесплатная газета, вся измятая, промокшая... А наши-то носят все, носят... Не впрок, знамо дело... тапочек! Сношенный, в клеточку, подошва прорезиненная. Смотрите, очистки. Картофельные, морковные... ба, огуречные! Декабрь-месяц! Кучеряво!...

Мамы осуждающе зашептались, маленький мальчик громко захохотал и бросил в кучу снежок. Цезарь напрягся:

– Я попрошу вас прекратить...

– Помалкивайте, – попросил его мужчина, разбрасывая мусор. Тут же он отвлекся, заглянул через плечо, прищурился на дверь магазина, из которой лились гормонозависимые эстрадные песни. – А что вы радуетесь? Плакать надо! Пора!

На крыльцо магазина вышли две продавщицы в оранже-

вых фартуках и наколках. Они закурили и начали улыбаться, прислушиваясь к мужчине.

– Столько узнаешь о человеке! – доверительно поделился он с публикой, помавая гвоздем. – Книга жизни, неповрежденное бытие, свидетельство и откровение в одном израсходованном флаконе шампуня. Вот, кстати, и шампунь, довольно дрянной. Для ломких и сухих волос!

Раздались аплодисменты, будто били в подушку: все были в варежках.

– Яички битые, скорлупка в смысле... штук пять.. Шкурки колбасные, копченые, а это – сыр. Надкусанный, гляньте!

– Силен мужик, – крикнул папа.

– Лампочку сжег, стоваттовую. Свеколка... какая-то гадость, не пойми, что... что это за штука, позвольте спросить? Чем вы там занимались? Откуда это?

Цезарь посмотрел и промолчал, потому что не знал, что это такое. Не помнил.

– Ну и комплект, -мужчина, отдуваясь, переложил палку в левую руку. – Вот так выборка!

– Я зачоченел уже, – напоминающе буркнул Цезарь, кутаясь в воротник. – Долго это будет продолжаться?

– До самого финиша. Значит, вы отказываетесь? Не скажете, что это за вещь? Хорошо, не говорите... Бутылка. Нестандарт. Таковую не сдашь... Обидно, небось, было выбрасывать. А потому что нечего. Нечего. Стоп. Все назад! Что

это? ... Минутку... минутку...

Зрители затаили дыхание, папа поперхнулся дымом, а у Цезаря засосало под ложечкой. Мужчина выкатил бумажный комочек и старательно расправлял его шляпкой гвоздя.

– Не могу поверить глазам, – сказал он возбужденно. – Никак не ожидал. Но я нашел! Я нашел его!

И, позабыв о гигиене, нагнулся, взял листок и с торжеством показал его окружающим.

– Что там? – крикнули с крыльца продавщицы.

– Вчерашний день! – ликуяще воскликнул мужчина. От избытка чувств он подпрыгнул. – Я искал! Я искал – и нашел его!

Цезарь, наконец, увидел, что он держит календарный листок, вчерашний.

– Ничего себе, – выдохнул потрясенный папа.

Мамы стали звать детей и прижимать их к себе. Продавщицы погасили сигареты и скрылись в магазине.

Мужчина плюнул на листок, прилепил к ладони и сунул под нос Цезарю:

– Любуйтесь! Ваше?

– Мое, – пробормотал Цезарь. И протянул руку, чтобы взять.

Но мужчина отвел ладонь.

– Зарубите себе на носу, – сказал он со значением. – Вы! Выбросили! Свой! Вчерашний день. И я его насилу нашел. Вы ничего не хотите рассказать?

Цезарь поднес пальцы ко рту. Он принялся греть их жарким дыханием.

– Ничего не хочу, – ответил он с вызовом.

Мужчина укоризненно и безнадежно посмотрел на него.

– Заберите с собой и больше так никогда не поступайте, – распорядился он после паузы. – Никогда, понимаете? Забырайте.

Цезарь взял листок и положил в карман.

– Я могу, наконец, пойти домой?

– Идите, конечно, кто вас держит.

Мужчина отвернулся. Он пнул мусор, чтобы подогнать его к бакам. Зрители продолжали стоять.

Цезарь глупо хмыкнул и быстро пошел прочь. Он страшно замерз.

Очутившись в квартире, он сразу пустил горячую воду. Начал греться.

– Что же вчера было такого особенного? – спросил у себя Цезарь, намыливая руки. – Ничего не было. Обычный вчерашний день.

Прошло полчаса, и внезапно он вспомнил.

– Господи, господа, – забормотал Цезарь. – Что я натворил. Что я натворил.

Он побежал в угол, сел и обхватил голову руками.

– Вот беда-то, вот ужас, – приговаривал Цезарь.

Через пять минут он принял решение. Надо бежать. Еще есть время. Надо скорее бежать.

Он выскочил в коридор.

Но было уже поздно. Дверь уже пинали ногами; в нее молотили и колотили на все лады.

© октябрь 2001

Дробь

Консультанта караулили двое.

Первый, востроптичьего вида, был просто покрыт лишаями, у второго же кожа над верхней губой пузырилась малиновыми пузырями.

Коридор клиники выглядел ненасытным пространством, где хватило бы места для босхова сада земных наслаждений. Недавно выкрашенный в охра, он угнетал, он горбился сводами, вырастал в сырые потолки. Зарешеченные окна в человеческий рост выходили на рыжую стену – воплощение ноября в штукатурке. По коридору расплзлось капустное уныние. Расколотый кафель; камень с выбоинами, как будто побитый большевистскими пулями; на жестяном подоконнике за окном – чрезвычайная и полномочная ворона, вымоченная в сером уксусе неба.

Пациенты сидели в молчании; первый смотрел себе под ноги, второй таращился на дверную табличку: «Кандидат медицинских наук, подполковник Моррошко Андрей Андреевич». Насмотревшись, он встал и осторожно прошел чуть дальше, читая другие вывески: «Учебный класс №1», «Преподавательская», «Музей».

Вскоре пришел подполковник: очень молодой, в маленьких усах, с умным лицом, одетый в халат, галстук и гражданские брюки. Он вставил ключ в раскуроченную, варварски

выпиленную замочную скважину, скрылся в кабинете и сразу же вышел; тут к нему почтительно подошла долговязая девица, тоже в халате, с бумагами в руках. Оба отошли, остановились; до ходоков долетали обрывки беседы.

– А вот здесь, Андрей Андреевич... нет, это не план, вот план...

– Пользование бактерицидными лампами... или проветривание... Ну да, все верно. Цели и вопросы это одно то же...

Девица заговорила совсем невнятно. Подполковник терпеливо вздохнул:

– Нет, сюда переставьте. То есть мы изучаем методы профилактики внутрибольничных инфекций. Дезинфекция инвентаря и помещений – это же тоже, правильно?

– Да... понятно! Спасибо, Андрей Андреевич...

– А вот здесь еще добавьте... Да, сюда. Так нормально.

– А термическая обработка – куда мне ее?

– Да никто никогда это не будет читать...

– Спасибо! Спасибо, Андрей Андреевич!..

Подполковник уже отвернулся; он подбросил на ладони ключ, взглянул на пациентов, направился к ним.

– Заходите, пожалуйста.

Тот, что был испещрен пятнами, тяжело поднялся со стула, одернул свитер и прошел в дверь, чуть вытянув голову. Его сосед, наоборот, вернулся на место, сел. Но долго не выдержал: заново встал, сделал пару шагов туда, другую об-

ратно, а после будто невзначай привалился к стене и начал прислушиваться к происходившему в кабинете. Много он не разобрал. Сказать правду – вообще ничего; подполковник бубнил, посетитель отвечал отрывисто, на высокой ноте. Десятью минутами позже пациент вышел, подполковник выглянул следом:

– Посидите, подождите. А вы проходите, прошу.

Человек с пузырями сам не заметил, как очутился на вертящемся табурете. Моррошко переминался против него.

– Показывайте.

Направление лежало на столе и было прочитано; пузырчатый снова не уследил. Подполковник зашел ему за спину, положил на плечо руку, ладонью второй толкнул в коротко стриженный затылок.

– Ну, так... я порисую фломастером, не бойтесь... возьмем здесь и здесь. Что сказать? Вот тут край. И никуда нам от этого не деться. Нагните чуть ниже. Нет, лучше здесь... тут прямо валик. Сейчас я обведу, и вы идите, посидите. Минут двадцать придется. Потом я вас возьму... только вы четвертым пойдете.

– Так нас двое...

– Полноте, вас гораздо больше... все, очень хорошо, одевайтесь и выходите.

Подполковник мыл руки.

– Жить буду? – Посетитель, путаясь в пуговицах, заговорил хрипло.

– Да куда вы денетесь! Прекрасно будете жить...

Бормоча благодарность – единичную, зато длинную, рваную, клочьями виснущую, – пузырьчатый присоединился к первому пациенту, сидевшему изваянием.

Не прошло и минуты, как вышел Моррошко. На пациентов он не взглянул; запер дверь, опустил ключ в карман халата, пошел было в сторону лестницы, но не сделал и пяти шагов, как вдруг остановился, упер руки в бока и выкинул коленце. Притопнул, раскинул руки, выбил ногами отрывистую дробь. Оставаясь на месте, свел руки над головой, присел, выпрямился; начал перебирать ногами. Ладони легли на бедра, и Моррошко стал похож на танцующий самовар. Он смотрел прямо перед собой, лицо застыло, губы задержались в смутной полуулыбке, серьезные глаза потемнели.

Пятнистый ожил. Он вытянул, изогнул змеиную шею, наклонил голову, посмотрел на пузырьчатого снизу:

– Вот – что он делает?

Пузырчатый осторожно пожал плечами:

– Пляшет...

– Нет, вы ответьте, что он делает?

Сосед промолчал.

Подполковник выбивал дробь, встряхивал чубом. Руки порхали, то распахивая объятия, то смыкаясь над черепом, то подпирая ребра. Улыбка стала шире. Голова подполковника сидела на плечах, как влитая; на лице не дрожал ни мускул. В пустынном коридоре распространялось дробное эхо;

вдалеке прошла с ведрами квадратная санитарка и скрылась за поворотом.

– Нет, нет, что он такое делает?..

Моррошко стал раскачиваться корпусом, бросая его под тупыми углами вперед и назад. Ноги мелко работали в ускорявшемся ритме.

– Скажите, чем он занимается?

Тон пятнистого становился все более въедливым.

Подполковник ударил каблуком в пол, поставив точку. Пригладил чуб и продолжил движение к лестнице. На встречу ему поднимался седой, грузный доктор, страдавший одышкой. Они поздоровались на ходу и разошлись.

Пятнистый откинулся на спинку и погрузился в дремоту.

Пузырчатый посмотрел на часы. Потерян день. Сидеть не хотелось. Он подошел к окну, изучил ворону. От нечего делать щелкнул ногтем по стеклу; та снялась и умчалась в состоянии преувеличенной паники.

© октябрь 2010

Господин очернитель

С женщинами Кальмару повезло: он стал импотентом сразу, после первого совокупления.

Ладный и статный лицом и фигурой, он взял себе обычай плевать чернильной жижей. Кальмар и не брал бы такого обычая, но конь был дареный. Коня подарили в день совершеннолетия. Фамилия дарительницы была Судьба. Именно она не назвала, потому что не терпела панибратства.

Явились гости, хлопнули пробки. За столом царило веселье, местами успевшее перебродить в окаянное лихо. Горели огни.

На пятом тосте встал отец. Держа в руке седой от пены бокал, он попросил тишины, и стало ясно, что сейчас состоится дарственный акт, который отец откладывал до удобного, по его разумению, момента.

Подарок, судя по торжественным приготовлениям, обещал быть богатым.

И через две минуты Кальмар открыл, что в нем родилась способность отзываться чернильным плевком на добро. Это выяснилось, когда отец, обращаясь к нему по прежнему еще имени, вручил будущему Кальмару часы. Благодарный Кальмар, непроизвольно провернувшись на каблуке, обдал родителя едучей чернилой.

Выброс чернил в такой неподходящий момент многие

приписали случайному стечению обстоятельств. Впоследствии, годы спустя, стало ясно, что ничего случайного в этом не было. Состоялась закономерность, которая сама, разумеется, тоже могла показаться случайной, но так вольно думать лишь ленивым мечтателям, обреченным на пожизненный оптимизм.

А Кальмар, с того самого дня начиная, постепенно пришел к тому, что исторгал из себя черную жижу всякий раз, когда ему удавалось чего-то добиться, заполучить желаемое, осуществить мечту, найти правду.

Поэтому и с первой женщиной Кальмар, оказавшийся на высоте во всех интимных смыслах, рассчитался мгновенно, хотя она была хороша душой и вовсе не требовала особого расчета – денег там или подарков, ни-ни, сохрани Господь, всего только доброго отношения, да нежного слова: чего еще бабе нужно?

– Сволочь! Сволочь! Сволочь! – голосила женщина, прыгая в черной луже.

Тот, к тому времени успевший получить от людей несмыслимое прозвище, пятился к двери, не пытаясь оправдаться. Кальмар уже знал, что, добившись своего, он обязательно выпустит вонючее чернильное облако. Каких-то пять минут назад в нем теплилась надежда на то, что это правило не будет распространяться на женщин, которые, в конце концов, тоже чего-то добивались и что-то получали.

И эта надежда не оправдалась.

Никто не мог понять, что с ним происходит. Доктор выписал ему замысловатый рецепт на лекарство, которое помогло, еще не будучи принятым: заранее благодарный Кальмар выпустил облако глубокой признательности, в котором скрылся огорошенный доктор.

Никто даже не знал, не успевал разглядеть, откуда появляется это чертово облако. Естественные догадки оказывались несостоятельными. Кальмар шел на многие и обременительные ухищрения; он кутался в зипуны и шарфы, надевал валенки, прятал лицо и как-то однажды застегнулся в памперс – все было без толку. Ему оставалось лишь мечтать о переезде в какую-нибудь правовую страну, где если кого и придется о чем-то просить, то много реже, а так все будет удаваться без просьб и ходатайств, во исполнение буквы закона. Где все подсчитано, где разного рода услуги оказываются не в одолжение, но в рутинном порядке, без тени добросердечия.

Но переезд виделся невозможной затеей.

Кальмару было некуда, не к кому и не на что ехать. Он работал в научном учреждении и был вынужден приноравливаться к благодарной жизни в государстве, где кумовство и разного рода покровительство процветали с седой старины.

Кальмар надеялся, что как-нибудь справится, ибо люди, как он считал, повсеместно предпочитают брать.

И с удивлением открыл, что эти самые люди, куда

не ткнись, готовы удружить ближнему гораздо чаще, чем считают озлобленные мизантропы, клеветущие на человечество. Кальмара, правда, это повсеместное участие, как вынужденное, так и добровольное, не спасало. Напротив: широкая сеть формальных и неформальных благодеяний губила его. Человек, говоривший ему «будьте здоровы» после чиха, впоследствии горько раскаивался. Когда Кальмар сломал себе ногу и его заключили в гипс, он, ощутив благодарность к медикам, вновь опозорился, и его, в отместку, так и оставили лежать неумытым, под высыхающей коркой зловонных чернил. Соседи по палате, которых это соседство здорово раздражало, разрисовали ему гипс похабными рисунками, написали оскорбительные слова. Они глумились безбоязненно: Кальмар, как ни старался себя заставить, не испытывал благодарности за надругательство – а значит, не мог и одарить ликовавших недоброжелателей вразумляющей струей. Гнев же Кальмара был безопасен и смешон.

От него шарахались. Он получал отказ, о чем бы ни попросил.

Когда ему, как родному и еще доступному для вразумления, любезно подставляли в ответ на удар щеку и думали, что правила приличия не позволят нанести новый, то Кальмар и не бил никого, а снова плевал, попирая законы людского сожительства.

– Сколько ему ни сделай – все такой же гад! – озлились все.

И он превратился в вечного просителя, занудного и унылого. Он скулил, унижался и порывался падать ниц по смешным пустякам. Никто, за исключением редких несведущих людей, не хотел его уболажать.

Кальмар перестал справлять дни рождения, потому что боялся благодарить за подарки. Даже когда он держал рот на замке, благодарность была из него ключом. Приходя в магазин, Кальмар старался дать денег без сдачи, а если все-таки выходила сдача, не брал ее и быстро выкатывался вон. Часто случалось, что он остерегался забрать и саму покупку.

Он больше не сдавал посуду.

Он зарекся спрашивать у прохожих, который час.

Сберкасса завораживала нехорошим гипнозом, в ней предчувствовалось Чистилище.

Там было много старушечек – их всюду хватает; они все трогательные черепашечки в очках с мощными линзами; у них крапчатые лапки и жалобные глаза; они ничего не видят, ничего не знают и не понимают, все забывают и пишут не там, где надо; рассыпают рублики и копейки, которые после не выцарапать из пластмассовой скользкой ямки; они вздыхают и полнятся смирением; им хочется в поликлинику, собес и церкву, чтобы попеть там всласть и признаться в тайном чревоугодии булочкой.

И внутренность Кальмара наполнялась сострадательным умилением, а его правая рука хотела всучить им денежку, накапать корвалола, выписать квитанцию, да подчеркнуть в те-

лепрограммке «Санту-Барбару». Но левая рука, не ведая настроений правой, судорожно рылась в кармане, надеясь, что где-то там, за дырявой подкладкой, затерялась граната лимонка.

Не находя гранаты, Кальмар вспоминал, что сам он, через минуту-другую, совершит нечто гораздо худшее, не сравнимое с пожилой суетой.

И он выходил, не сделав дела, но увы! всего не предусмотреть. Например, единожды в месяц ноги сами, исправно и помимо воли, доставляли Кальмара в учреждения, которые снабжали его газом, водой и светом. Он отмечался там привычной благодарностью за коммунальную услугу, за что не раз бывал бит охранниками. Кальмар отзывался даже на телевизионные поздравления с крупными праздниками, но только если его поздравляли частные лица, то есть более или менее искренние люди, которых выдернули из какой-нибудь радостной толпы. Официальным же поздравителям, облеченным властью, удавалось, как и всегда, остаться сухими и не запачкаться.

«Спасибо, сынок!» – сказала Кальмару немолодая женщина с пустыми помойными ведрами, которую он машинально придержал за локоть на скользкой мостовой. Ему пришлось не ограничиваться одним добрым делом и сделать новое: наполнить ведра чернилами.

Он постоянно портил людям настроение.

Однажды покупал арбуз.

– Вам повезло, вам девочка досталась, – сказала ему подавальщица с улыбкой, но громко и с привизгом. В ее представлении существовали арбузы-мальчики и арбузы-девочки.

Кальмар испортил все – арбузы, весы, прилавок. Он сорвал плащ, бросился подтирать. Его пожалели, посчитав за больного, и даже хотели утешить дыней, из-за которой все старания Кальмара пошли насмарку.

Был случай, когда он, отчаявшись, надумал приобрести репутацию хама. Набравшись смелости, Кальмар объявился в продуктовом магазине, где начал с порога кричать:

– Что тут у вас за дерьмо поналожено! Я хочу есть! Сервис, понимаете! Страна велика!

Крича, он плевался, но только слюной, капли которой своим натуральным видом вселяли в Кальмара надежду на благополучный исход.

Задуманное действие хамства удалось: ему швырнули батон и, на свое счастье, в негодовании отвернулись. Поэтому лицо не пострадало. Как только товар переместился в авоську Кальмара, из покупателя брызнуло. Он замарал не только прилавок и продащицу, он ухитрился отдельно отметить даже чек, на котором синела надпись «Благодарим за покупку». Сам факт услуги, осуществившейся в швырянии батона, перевесил ее эмоциональную окраску; Кальмар, чуя скорую голодную смерть, поспешил скрыться.

С кассами у него вообще выходили сплошные конфузы.

В кассе на службе, где Кальмар получал жалованье, для него завели специальную тряпку и ведро, так как он, стоило ему расписаться в ведомости, выдавал залп. Кассирша всякий раз шарахалась, хотя и была отгорожена от Кальмара и других, потенциально опасных личностей, пластиковой перегородкой. Ему же казалось, что недалек тот день, когда он, хотя бы и без печати зверя, и даже без начертания, не сможет уже больше ни покупать, ни продавать.

Кальмар устроился маляром, однако заявок было мало. Охотников до чернильного цвета можно было пересчитать по пальцам. К тому же для выполнения заявки приходилось удовлетворить какое-нибудь желание работника – ерунда, если вдуматься: поцеловать в щеку, дать конфету, но многих солидных людей, в том числе новоявленных бизнесменов, подобная форма организации труда раздражала.

Малярничал он недолго.

Наступил день, когда его побили особенно крепко, и Кальмар счел за лучшее выйти в отставку.

Он попытался выяснить, не принимают ли где чернильный продукт.

«Сдают же кровь, – рассуждал Кальмар. – Сдают даже...»

И он поеживался, так как вынужденное целомудрие породило в нем нездоровую стыдливость, не позволявшую даже в мыслях именовать интимные субстанции и предметы. «В общем, сдают всё», – успокаивал он себя, целенаправленно забывая о том, что все-таки не всё. В сладких мечтани-

ях его предприятие уже увенчивалось успехом. Ему мерещились целые фабрики, занятые переработкой диковинного сырья. Он видел себя обладателем льгот и выгодных документов, который вхож в сообщество чопорных Кавалеров, носителей и держателей почетных Орденов. Прозревая будущее, он уже вел себя, как если бы дело свершилось, и он уже ни за что и никому не был признателен и ни за что не платил – наоборот, все платили ему, причем по почте, с максимальной обезличенностью; товары доставляли на дом, а если услуги было не избежать, облачались в противочумные костюмы, в которых люди уже не люди, а жуткие чудища, каких и обмарать-то не жалко.

Но с донорского пункта Кальмара прогнали.

Хотя возможно, что он просто пристроился не в ту очередь.

Его прогнали даже из канцелярского магазина, где он пытался заполнять авторучки.

И положение Кальмара сделалось совсем никудышным.

От быстрой голодной смерти его спасло не чье-то счастливое наитие, но, скорее, эволюция, которая есть естественный ход событий. Спасение, хотя и временное, да и бывшее хуже гибели, явилось маленькими шажками, по чуть-чуть; метод противодействия Кальмару, родившейся в чьей-то сообразительной голове, распространялся поначалу медленно, пока молва о нем не достигла критической разговорной массы. Тогда обнаружилось, что все вдруг давно уже знают, как

вести себя с Кальмаром, и он, если захочет, может вернуться в ряды своих сограждан, объединенных временем и странством.

Однажды некто, имевший с ним дело, додумался уравнивать благодеяние пакостью. Причем пакость полагалось делать сразу после, а еще лучше – в параллели с благодеянием: отдавить ногу, оскорбить личность, поразить в правах.

Пакости оказались действенным средством. Они помогали, хотя и не всегда. Кальмар, напарываясь на кулаки, убеждался в благотворности страдания. Самым трудным было соизмерить пользу, проистекавшую из доброго дела, с пользой грубого, но вынужденного окорота. Если первая превосходила вторую, то пакость не спасала, и благодетель шел мыться. Но если вторая превосходила первую, то все получалось удачно. Вывод был очевиден, и все Кальмарово окружение – вольное и невольное, близкое и далекое – стало вести себя в разумном соответствии с этим выводом.

На Кальмара посыпались неприятности.

Он вскоре настолько привык к ним, что одним выражением своего лица нарывался на новые и новые притеснения. В людях, в ту или иную секунду окружавших Кальмара, просыпалась животная интуиция. Даже вполне порядочные норовили толкнуть его, пихнуть, обсчитать, профилактически обозвать.

Со всех сторон он слышал то змеиное, то львиное «Заткнись!», причем говорившие зачастую не подозревали, на-

сколько они точны и буквальны в своем оскорбительном, как им думалось, требовании.

Его били и грабили средь бела дня; ему отказывали в любой ерунде, им помыкали и командовали. Казалось, что Кальмар излучает нечто порочное – может быть, инфракрасное или ультрафиолетовое, но не только. Даже собаки и кошки держались с ним начеку.

Что до людей, познавших Кальмара, то эти действовали целенаправленно. Таких было много: окрестные продавцы и кассиры, дворники, вагоновожатые, почтальоны и врачи. Они выписывали Кальмару, допустим, справку, и тут же, не дожидаясь уже известного им ответного хода, плевали ему в лицо, ударяли по шее, ругали матерными словами. Кальмар воспринимал это с обреченным смирением. Он мог бы отправиться в другую поликлинику, сменить сберкассу, да и вообще переехать. Но он предпочитал иметь дело с уже привычными, знакомыми людьми. С ними он, худо-бедно, знал, чего ждать.

А то он, было дело, вызвал на дом неизвестных мастеров-слесарей, и те устроили ему кромешный тип-топ. Вампирил даже Быт. У Кальмара болело горло всякий раз, когда он включал пылесос – может, дуло? Бывало, что в сосисочном настроении он шшупал в пакете – много! А оказывалось, что там – огурцы.

Кутаясь в воротник и прячась от подозрительных взглядов, Кальмар бродил по улицам. Теперь он фонтанировал

редко, и воздержание прескверно сказывалось на его здоровье. По-видимому, чернила где-то накапливались в нем, но выхода не получали. Они вели себя на манер фрейдовского Ид, обузданного строгим общественным Суперэго. В этих тисках визжало и дергалось «я» размером с хлебную крошку.

В мстительных грезах ему хотелось быть то Туркмен-Баши, то Хозяином Льда.

Очнувшись, он убеждался в том, что прожитая жизнь наминает петли кишок, которые вывалились из распоротого, но поначалу плотно закупоренного животика, тугого и аккуратного; эти петли ложатся, являя миру от века задуманное, но временно существовавшее в потенциале, без реализации. И вот что, оказывается, находилось внутри, вот что было предрешиено. Петли, лишённые среды обитания, обращаются в прах. Такая же судьба постигает мысли, мечты, сочинения – все, короче, что расползается, разворачивается, покидая первоначальный бутон.

Чернила переполняли Кальмара. Они бродили в нем, клочкотали; они рвались наружу. Но выход был запрещен. Враждебный мир не давал ему повода к изъятию благодарности.

Поэтому наступил момент, когда чернила обратились против самого Кальмара.

Это произошло не без его сознательного участия. Кальмар давно подумывал оказать какую-нибудь услугу себе самому, и чем серьезнее эта услуга, тем будет лучше. Он надеялся

захлебнуться. Но останавливал себя, понимая, что любую услугу такое хитро задуманное самоубийство сведет к нулю, перевесив благодеяние. Именно поэтому ему до сих пор удавалось есть, спать и вообще поддерживать в себе жизнь. Он рад был креститься, ибо такая услуга себе не шла ни в какое сравнение со всеми прочими. Но здесь его опередили родители. Благодаря чему он, лежа на смертном одре, воспользовался возможностью побеседовать с представителем духовенства.

А на одре Кальмар оказался по счастливому стечению обстоятельств.

Однажды утром он купил лотерейный билет. И ему – Кальмару, но потом и билету – сразу сделалось плохо.

Кальмар, оплеванный хамливой киоскершей, как раз уходил от окошка раздачи: билет был зажат в кулак. Внезапно закружилась голова, чернила хлынули в мозг. Билет выпал и помчался, гонимый ветром.

Кальмар моментально понял, что билет был выигрышный. Нетвердо ступая, он доплелся до квартиры; вошел. «Много выиграл, – подумал Кальмар, потому что ему было очень плохо. – Наверное, холодильник».

Он посмотрел в зимнее окно: на востоке всходили галлюцинации.

Тогда Кальмар снял телефонную трубку. Телефон был единственным средством безнаказанно побеседовать с миром. По телефону бранились и хамили редко, разве толь-

ко по въевшейся уже привычке. Многие знакомые были даже рады поговорить с Кальмаром, но – сохраняя дистанцию, не с глазу на глаз. Потому что в сердцах своих люди добры. Кальмар пожаловался этим людям на сильное недомогание. В трубке встревожились, предложили вызвать доктора, но Кальмар не желал видеть никаких докторов.

Тогда прислали попа.

Прислали, потому что это стало модно, а Кальмар успел выронить трубку и потерять сознание.

Его привели в сознание, чтобы он успел пообщаться с попом.

Батюшка, обеспокоенный состоянием Кальмара, спешил. Он отпустил Кальмару грехи.

Кальмар, уже почти отошедший, успел выразить батюшке свою признательность.

Тот, мокрый, отскочил, заслоняясь крестом.

Это действие было лишним: Блудный сын оторвался от преследователей и быстро удалялся домой, в зеленую толщу забытых вод.

© январь 2003

Данила Пробочник

Ростиславу Клубкову

Пролился бождик, выглянуло чертце, прошмыгнул бомжик, а белокурая бестия, известный щипач Данилка Пробочник, он же Штопор, вышагивал Лиговкой в белоснежном кашне и бежевом плаще нараспашку; тупоносые башмаки стоимостью в автомобиль-лендровер лениво разбрызгивали подтаявшие лужи, мельчили ледок. Данилка шел, довольный судьбою, которая уравнивала его с жуликами и готовила в козырные фраеры. У него имелось еще одно уважительное прозвище: Фаберже – в знак его особенных заслуг. Он не громил ювелирных витрин, не обирал музеи, брезговал гоп-стопами; он был завсегдатаем элитных секс-шопов и специализировался в анальной бижутерии.

В магазинах Данилку отлично знали как щедрого вора, умевшего и любившего поделиться, а то и прокатиться-проветриться. Ему подмигивали, когда очередное застенчивое и сытое чудо в натуральной, омертвевшей от непоправимого шубе, еще теплой после подшкурного биения жизни, примеривалось к яхонтовым, топазовым, малахитовым и другим затычкам, которые внешне напоминали рюмку на тоненькой ножке для вытаскивания вовне, но уже намертво заполненную как бы яйцом.

Лавочники торговали товаром самой разнообразной формы, на все диаметры, для женщин и для мужчин; Данила Пробочник располагал персональным аксессуаром, который носил в жилетном кармане наподобие талисмана. Обольщая жертву, он изображал смущение, но быстро сдавался и тоже вставлял себе этот аксессуар, не без тревоги отмечая, что привыкает к нему все больше и начинает считать неотъемлемой принадлежностью своего туалета. «Попробуй же», – жарко шептала любимая, и белокурая бестия сдавалась: заводила за спину руку и поворачивалась спиной, демонстрируя доньшко каменной рюмки.

«Яйцо Фаберже», – любил говаривать Данилка. Как яйца Фаберже он и сдавал награбленное: по его версии выходило, что к трехсотлетию города Санкт-Петербурга, Ленинграда, Романовых и самого Фаберже было наделано невероятное количество яиц Фаберже, размером от перепелиных до страусиных.

Доверенный барыга добродушно посмеивался: опять по жопам шарил? Куковать тебе у параша, Данилка. Данилка морщился: он не стремился к параше и не любил, когда его величали жопником или жопочником.

Сейчас уже смеркалось, и он как раз семенил по ступеням знакомого подвальчика, где не вполне молодая дама близоруко рассматривала бриллиантовое изделие. Она вся была в черном, как будто подмокшем, пуху; уютная шляпка была сдвинута набекрень. Искусственная роза на шляпке бы-

ла украдена с кладбища, Данилка разбирался в таких вещах и даже помнил безутешный венок.

— Мадам, мадам, — зашептал Данилка, не откладывая дела. — В порядке интимной прелюдии — она ведь у нас уже началась? — позвольте порекомендовать вам эти яхонты, да парочку топазов и, безусловно, малахит. Ну и бриллиант, с бриллиантом вкус не мог вам изменить. У вас безупречная интуиция. Не думайте, что я не замечаю ваших сединок, однако они благоухают и мне дороже незрелых пшеничных локонов. А за морщины на этой незащищенной шее я готов застрелиться из браунинга, переодевшись предварительно в белый фрак. Мой белый же цилиндр покатится к вашим ногам и закроет там, навек опустевший — лишь разве вы, единственная, бросите розу...

Мадам отпрянула, прижавши сумочку к груди и втягивая голову в плечи; белокурый Данилка уже нес ее в грезах по мраморным лестницам и укладывал на перину.

Доходный дом был оборудован по соседству; туда Данилка Пробочник отводил отоваренных барышень опробовать покупку. Шампанского брал сразу дюжину, поскольку на затычку уже имелись новые претенденты; Данилка Пробочник отстегивал от души.

По городу Санкт-Петербургу о нем шла слава не слава, а некий расплывчатый слух, подобный пару, высвобождаемому похищенной бижутерией.

Товарищи по ремеслу завидовали его фарту и недолюбли-

вали, однако прощали за ресторанный широту души. В городе поговаривали, что повторить его подвиги пытались многие воры, и даже один законник, не разобравшись в объекте приложения, забил себе в болт несколько этих ювелирных изделий, но все ограбление закончилось большой хирургией. Никто не мог угнаться за удивительным данилкиным умением.

Данила на руках вносил даму в доходный дом; в ее сумочке уже лежали отобранные затычки. О нем слышали, знали, но не останавливались перед искусством, благо Данила был такой мастер, что даже дурная репутация не вредила ему, и дама бывала готова лишиться еще одного алмаза единственно с тем, чтобы заново пережить его заботливое проникновение. Данилка выходил из ванной комнаты, обернутый полотенцем; дама уже постанывала ничком, кусая простыни; Данила брался за нее со всей деликатностью, разводил полушария, зарывался в незатейливые пространства лицом. Бижутерия была у него наготове. Бывали, конечно, и казусы: одна, явившись в номер, потребовала не каменную рюмочку, а булаву, утыканную гвоздями, и обнаженный Данилка бежал через морозное окно, срывая шелковые шторы.

Обычно все заканчивалось миром; бижутерия выскакивала с очаровательным поцелуйным звуком. Данила доверчиво погружал ее в рот и обсасывал, выказывая предельную доверчивость и преклонение; при этом он обмахивался белоснежным платком с непонятной монограммой, заранее на-

душенным мужскими духами Kenzo.

Когда занимался рассвет, Данила Пробочник, крадучись, уходил. Он забирал драгоценность и на память засовывал чайную ложку или специальный суррогат из арсенала Барби, кухня которой, естественно, имела в комплекте пластмассовое яйцо для Кена, составлявшее с рюмочкой единое целое. Для Кена оно, вероятно, варилось вкрутую, но попадало в мешочек, а яростное пробуждение перерабатывало его всмятку так, что оставалась одна скорлупа.

Некоторые дамы являлись в милицию и жаловались, что лишились имущества в порядке интимной игры. Кража! Шиллеровский разбой! Милиция стереотипно отвечала, что если ты, сволочь, таскаешь топазы в жопе, то в жопу и отправляйся, а заявление не пиши, потому что его покажут в телевизоре и газете. Опера и сами давно охотились за Пробочником, усиленно склоняя его к гомосексуальным коллажам, но если и получали что-то в жопу, то ствол от «стечки-на».

Однако в Петербурге попадают необычные места, и Данилу Пробочника погубила владелица интимного салона, которая называла себя Хозяйкой Медной Горы. Наслушавшись рассказов об удачливом щипаче, она быстро приобрела разнокалиберную бижутерию, да пригласила обиженных дам, представившись главой еретической секты трясун-нов и прыгунов, которые, обнажившись, активно и пассивно предаются свальному греху, подпрыгивают, трясутся, обра-

щаются к Небу, а из них все вываливается, и приглашенному на собрание Даниле приходилось галантно и с сожалением заталкивать драгоценности обратно. Его заманили на молебен, пообещав солидный куш, и он старался изо всей мочи, облизывая упавшее и дожидаясь, когда же все упыются и заснут сытым сном.

Хозяйка Медной Горы улыбалась. Данила Пробочник немного знал ее как женщину коварную, но соблазн был велик, и он готов был услужить ей лично – женщине крупной, мордоволосой, с необъятным задом и тайным пристрастием к морфинизму.

Она сидела в отдельном кабинете среди персидских ковров, котов и подушек, побулькивая кальяном. Данила хотел было помять картуз, но вспомнил, что отродясь не имел ни картуза, ни даже цилиндра, а только хранил дома – в качестве раритета – простреленную каску неизвестного воина вермахта.

Уже все изделия были рассованы, извлечены и размещены по задумке; уже все они были украдены, и Данила Пробочник, заменивший их на всякую дешевую дребедень, раздувался от яшмы, оникса, опалов, изумрудов, яхонтов и жемчугов.

– Ты ведь не выйдешь отсюда, – высокомерно улыбнулась Хозяйка. – Я кликну мужей, участкового...

– На что тебе это? – искренне удивился Данила Пробочник. – Поделим все честно, как полагается в общине среди

честных босяков...

– На то... Прослышала я о твоём мастерстве, Данила. Ты затычку-то носишь? – Данила кивнул. – Вынь покуда. – Я снесу тебе яйцо, и ты его проглотишь. Коли справишься – твой будет фарт, а коли нет...

Хозяйка Медной Горы продолжила низким голосом чре-ва:

– Это редкостное заморское яйцо, поющее соловьем и одновременно – волшебный фонарь со сценами из эротического быта японских самураев. Съешь, прислушайся, ознакомься – и оно твое, когда выйдет наружу.

Хозяйка Медной Горы медленно подняла юбки и, как обещала, снесла колоссальное яйцо – все расписное и резное, с инкрустациями из драгоценных камней. От алчности у Данилы Пробочника перехватило голос:

– Запить позволишь?

Та махнула рукой:

– Твое же вино – пей, сколько душе угодно.

Смазывать яйцо не понадобилось. Оно запело внутри Данилы, а самураи дружно полезли в коллективную бадью с кипятком.

Данила Пробочник задержался на двое суток, наливаясь синькой и держась за живот, а Хозяйка Медной Горы остановилась над ним и расхохоталась:

– Что, Данила-Мастер? Не выходит у тебя?...

Его выбросили на снег. Участковый, проходивший ми-

мо, остановился и потерянно взирав на дородного, все еще раздувавшегося от бижутерии лощеного господина, который неуклонно синел, распухал от жара, а из чрева его доносилось могучее и грозное «Банзай!»»

© август 2007

Гривенники Гарусса

Гарусс вышагивал праздно, он кутался в шинель. Вязаная шапочка на бритой голове не то что не грела, но даже холодила; было свежо.

Его зачем-то поволокло на Невский проспект, и он угодил в самую серединку гуляния, которое только что переизбранная управа затеяла в память о старых, уже покойных большевиках.

Праздник устроили довольно почтительный, с добрым и простым юмором. По проспекту катили нелепые, угловатые машины – скорее, некие механизмы или модели чего-то невыстроенного. Возможно, это были броневики; возможно – моторные лодки. Что-то ползло, что-то неподвижно стояло, припаркованное к обочине. Народ струился густым потоком, но почему-то не ощущался; казалось, будто людей вокруг нет.

Машины распевали задорную, смешную и немного грустную песню старых советских руководителей, едущих в санаторий. Играл духовой оркестр, но тоже как будто в подполье, из-под асфальта, зато сама песня гремела отчетливо: «А вы – по-прежнему стальные, большие, сильные, больные!»

Гарусс оглядывался по сторонам, выискивая поющих. Он чувствовал временами, как что-то происходит. Но вычленив происходящего не мог, оно клубилось, торчало, вы-

растало и пропадало.

Его вынесло в центральный парк, заснеженный сказочно; внизу был каток, и там скользили фигуры. Огибая парк, Гарусс то возносился, то почему-то спускался с кручи, хотя в Петербурге никогда не было никаких круч, этот город покоится на равнине.

Приятно было видеть, что время года поменялось, что хамоватая осень с порывами злого ветра сменилась елочной зимой. И ветер утих давно, снежинки кружатся, а небо творит из себя. Гарусс не стал заходить в парк, он предпочел прокатиться вокруг, в повозке, откуда выволакивали неизвестного скандалиста. Это был огромный дородный мужчина в бобровой шубе и бобровой шапке; толстый и расхристанный, он скандалил по недостойному поводу, Гарусс это знал.

И ехал теперь вместо выброшенного господина в шапке, расположившись рядышком с беспокойной девицей, почти еще девочкой. Эта незнакомая попутчица будила в Гаруссе чувство тревоги, приправленное сладким предвкушением. Они катались вокруг уже и не парка, но сада, по холмам, по кругу, вверх и вниз. Девица говорила о каком-то решенном порочном деле. Она была предельно доступна, но некрасива; крутой лоб переходил в римской формации нос, да еще на ней были очки, а губы – тонкие, они пересекали тяжелый подбородок. И все эти подробности выяснялись постепенно, а вез их медведь, запряженный в сани, а правил медведем братишка девочки, еще младше.

Вокруг горели огни, падал снег; медвежьих повозок было очень много.

Гарусс полагал, что он уже о чем-то договорился с соседкой. Некая интимная услуга, но только не прямо сейчас. Ее окажут позднее, а в эту секунду им даже весело, хотя веселье довольно остро отдает притворством.

И верно ли это?

Потому что время года поменялось вторично и сделалось неопределенным. Похоже было, что осень вернулась, и людей вокруг не осталось, только они, троица – Гарусс, девочка и ее брат, остановившийся поодаль и стоявший, широко расставив ноги в шароварах. Они находились в каком-то заплеванном бурьяном дворе, где окна деревянных домов были заколочены длинными брусками.

– Ну, я вернусь еще, – развязно пообещал Гарусс, так как действительно намеревался вернуться к проститутке, когда окажется при деньгах, то есть довольно скоро. Девка – блядь, это ясно, и наглая. Говорит гадости, но ему же не говорить с ней, а вовсе другим заниматься, и очень недолго.

Гарусс увидел, что возле серого дома на сером камне лежит отрезанная под самый брововый воротник голова господина-буяна. Ни капли крови, она отсечена очень ровно, продолговатая-толстая, как в рыбной масляной нарезке, глаза выпучены, лежит уже около двух часов.

– Конечно, вернешься, – заметила девка. – А пока вот тебе две монеты.

Паренек, ее брат, продолжал стоять с недобрым видом и мрачно глядел из-под высокой шапки.

Вязаная шапка самого Гарусса была с отворотом; за этот-то отворот, что прямо на лбу, девица засунула Гаруссу два гривенника. И он стал их чувствовать – что они там есть, одновременно он не знал, хорошо это или плохо. Чувствуя монеты, он побежал по набережной, он убегал пешком. Сани разъехались. Его снова приволокло на праздник, который продолжался: играл оркестр, шли немолодые лица в хорошем настроении. Песня турбинно трубила: «А вы – по-прежнему стальные, большие, сильные, больные!»

Не зная, зачем он это делает, Гарусс забрался в уродливый баркас, приваленный к фонарному столбу. Он решил пере-сидеть внутри, но быстро понял, что самостоятельно ему от-туда не выбраться. Внутри все было заставлено какими-то ящиками, и песня звучала повсюду. Голоса были больше женские, пожившие, уставшие, но спуску не дающие, и заве-щавшие, и утомленно всепрощающие.

Прошло сколько-то времени, и мужики вынули из баркаса несколько ящиков.

– Не так-то просто отсюда выбраться, – с жалкой улыбкой обратился к ним Гарусс.

– Да, – сказали ему, – это точно.

И помогать не стали, так что он выкарабкался сам. Он бросился бежать по набережной, к метро, пока не увидел, что никакого метро, к которому он спешил, нет, и это не Нев-

ский проспект, да и вообще непонятно, с чего он вдруг решил, что Невский проспект это набережная. Гарусс находился в каком-то другом районе Петербурга. Неподалеку от центра, но далеко и от дома, и от транспорта, и уже очень поздно. Мороза нет давно, отовсюду хлещут яростные зеленые волны, как в Летнем саду, почти наводнение, устроенное озелененными конными статуями.

Теперь людей и вправду не осталось, и даже теней.

Гарусс вылетел на булыжную площадь в надежде увидеть там некий трамвай; проститутка с братом быстро шли следом за Гаруссом. Но он увидел, что это уже и не совсем они. Тогда он успел: схватил шапку, сорвал ее, вынул и швырнул им две монеты. Гривенники заплясали на камнях.

Оба, вроде как брат и сестра, злобно закричали:

– Ах ты сволочь! Сволочь!

Но дальше идти они не решались. И они окончательно превратились в пацанов – сербов или болгар. Они ходили по кругу, как заведенные.

Тогда Гарусс мстительно, будто бомбу, швырнул им еще одну копейку, зная, что это поможет, а им сделает хуже. И с головокружительной скоростью проснулся через несколько четко отдельных последовательных пробуждений: в палате пионерлагеря, в бабушкиной комнате, в больничной палате, у себя дома почти, у себя дома окончательно, под тяжелой картиной с видом на море.

Залпы суверенной поры

– Дедушка, покажи мне подземную парковку!

Старик подкрутил густые усы. Высокий, жилистый, он был настолько похож на древнего токаря, мудрого наставника молодежи, что сходство граничило с карикатурой. Штаны с него сваливались и держались на широких подтяжках, которые сзади перечеркивали крестом ветхую клетчатую рубашу с закатанными рукавами.

– Ну, пойдем, – произнес он голосом дребезжащим и тонким.

Толстый внучек восторженно подскочил.

– Только учти, что нас могут и не пустить, – предупредил дед. – Скажешь, что тебе очень хочется – глядишь, подобреют. А на нет и суда нет.

Они дружно встали с качелей, установленных против касс магазина «ОБИ», и тронулись в путь. Внук нарезал вокруг деда радостные круги, а тот аккуратно шаркал, стараясь не наподдать наследнику, и шурился на государственное телевидение. На границе отдела путешественников остановил патруль и спросил документы. Дед выудил из заднего кармана паспорт республики «Максидом», и солдат повел стволом автомата, разрешая пройти.

Телевизоры выстроились в два ряда вдоль километрового прохода. С экранов озабоченно говорили:

– После вчерашней атаки «Карусели» на «Ашан» сеть Венских Кофеев изъявила готовность быть посредником в мирном урегулировании. Однако эта миссия оказалась под угрозой после того, как беспилотник «Ашана» был сбит сегодня утром над «Шоколадницей»...

Внук дернул старика за штанину.

– Дедушка, а что такое «Ашан»?

– Ну как же! Я же тебе показывал на карте! Это магазин-государство, у нас с ним заключен военный альянс...

– Что такое альянс?

– Союз. Мы друзья.

– «Ашан» это как «Максидом»?

– Да, только поменьше.

Они пересекли границ Автономии Быстрого Питания. Здесь их не остановили, хотя военных в форме «Макдональдс» и «Бургер Кинг» было полно. Добрая половина расселась за столиками и гоготала, вспоминая события вчерашнего дня, когда государство подверглось обстрелу со стороны «Стокманна».

– Совсем умом тронулись! «Максидом», да под минометный огонь!

– Они же чухна. «Град» по ним всего полчаса и работал.

– Ты что написал на боеприпасе?

– «В сраку тебе, полярный олень!»

Старик тронул внука за плечо, и тот послушно повернулся на ходу к тонированному окну.

– Видишь, дым валит?

– Плохо видно, темно.

– Да вон же! Я старый, и то вижу. Это «Стокманн» горит.

Колы хочешь?

– Не надо, потом. Я хочу в подземный гараж.

Автономия кончилась, и началась территория «Спортмастера». Повсюду бродили толпы бездельных горожан, которые гуляли себе, как будто не было войны. Здесь господствовало свое телевидение, но новости ничем не отличались от тех, что передавали по каналам «Максидома», и даже дикторы, казалось, были те же самые.

– Кинотеатр требует автономии, – сообщили с экрана.

– Ну, ему-то хайло заткнут, – буркнул прохожий прапорщик с гранатометом на плече.

Старый и малый шагали вдоль лыж, снегокатов, велосипедов, коньков и надувных лодок. Повсюду виднелись вкрапления зарубежных посольств – «Эльдорадо», «Медиа-Маркета» и «Мира Сумок», это были официальные дипломатические представительства с правом торговли.

– Дедушка, а мы победим «Карусель»?

– Конечно, куда она денется. Другое дело, что у нее союз с «Мегой», а у нас на сегодня из крупных только с «Балтикой»... Если по нам ударит «Мега», то мало не покажется.

– А кто она такая?

Старик покачал головой.

– Вот же ты неуч! Это мировой жандарм, главный агрес-

сор. Хищник. Вон, видишь пленных ведут? – Дед подслеповато присмотрелся. – А, нет, это дезертиры... предатели...

– Что они сделали?

– Отоваривались в «Строймаркете», вот что, – сплюнул старик. – Под покровом, понимаешь ли, ночи, норовят нам нагадить.

Внук остановился, разинул рот и вытаращился на унылую шеренгу, которую как раз начали строить у деревообрабатывающих станков. Расстрельная команда занимала позиции. Шустрый комендант с боевым орденом на спецовке метался вдоль строя, спеша поскорее покончить с делом и отправиться на обед.

– Цельсь! Пли!

Грянул нестройный залп, и предатели повалились кто как. Горожане чуть ускорили шаг, подчеркнуто не глядя на трупы.

– Иди, не задерживайся, – дед подтолкнул карапуза, и тот споткнулся.

– Дедушка! Почему у нас везде такой пол... в кочках?

– Это чтобы ходили медленно и успевали заметить товар...

Они продолжили путь, минуя карликовые государства – «Газеты и Журналы», «Мясо», «Розовый кролик» и «Товары в дорогу». Тихо жужжали бессчетные видеокамеры. Лилась бездумная музыка, журчали фонтаны, однако печать военного времени лежала на всем, и каждый мало-мальски резкий

звук понуждал пешеходов втягивать головы в плечи. Очень, очень далеко звучали глухие разрывы – в десяти километрах отсюда «Карусель» наступала на «Ашан».

– Ну, вот и пришли.

Они остановились перед лифтами, и часовой заступил им путь.

– А можно нам посмотреть гараж? – Взор малыша был ясен и чист, а сказал он вежливо, как учили.

Солдат вернул предохранитель на место.

– Паспорт, – потребовал он коротко.

Старик показал, и часовой мрачно посторонился.

– Десять минут, – предупредил он.

– Так точно! – вытянулся по струнке дед.

Лифт доставил их в цокольный этаж, где было несметно машин – самых разных, легковых и грузовых. Многие давным-давно стояли без дела, благо ехать стало незачем, некуда и просто нельзя. Здесь было прохладно и темнее, чем наверху. Прохаживались военные, но их не набиралось и двух десятков на все огромное помещение. Зевак оказалось и во все пять человек.

– Я хочу посидеть за рулем, – потребовал внучек.

– Не положено, – отрезал старик, почему-то пришедший в некоторое беспокойство.

Он осторожно огляделся и вдруг шагнул на квадратную крышку люка. Снова зыркнул по сторонам и несколько раз притопнул, как бы исполнив дробь. После этого дед отошел

в сторонку и с видимым облегчением вздохнул. Как выяснилось, напрасно. Спецназ с нашивками «Максидома» вырос словно из-под земли и взял обоих в кольцо.

– Сигналишь, сука? – осведомился командир, кивнув на люк.

– Помилуйте, да кому? – испугался дед, прижимая руки к груди.

– «Метрострою», кому же еще, – откликнулся тот и приказал: – В расход эту сволочь, а пацана ведите в распределитель.

Их поволокли в разные стороны.

– Деда, деда! – завопил внучек.

– Вырасти настоящим человеком! – кричал дед. – Вырасти настоящим человеком!

Командир присел над люком на корточки и прислушался. Затем отстегнул две гранаты и откинул крышку.

– Сраные крысы, – пробормотал он, швырнул гранаты в проем, сгруппировался и откатился. – Шакалы сучьи, шестерят и вашим, и нашим...

Ахнули взрывы, и он вжался в бетонный пол, прикрывая затылок руками.

© август 2014

Звезда автострады

«Сегодня, дорогие зрители, мы познакомим вас с уникальным человеком – Егором Пахомовичем Кобных. Когда-то простой тракторист, окончивший десятилетку, он уже много лет занимается любительским автомобилестроением. Его последнее детище, вот этот потрясающий внедорожник, не уступает западным образцам ни техническими характеристиками, ни дизайном. Короткие свесы, шестиступенчатая автоматическая трансмиссия, восемнадцатидюймовые диски... Пожалуйста, Егор Пахомович, представьте нам вашего мастодонта».

«Я ее мастерил пять лет. По винтику, по гаечке, по болту... Что-то купил, что-то принес из утиля. Летает, как птица! Сто сорок лошадок».

«Говорят, это не пустые слова. Вы вроде бы и крылья подумываете приладить?»

«Ну а почему не приладить. Чертежи имеются, крылья мне в городе уже варят. Оборонный завод проявил интерес. Силенок да годков если хватит, она и на Луну полетит!»

«А сколько же вам, простите за нескромный вопрос, годков? Мне кажется, возраст почтенный!»

«Восьмой десяток уж разменял. Ничего! Бог даст, мы с ней ралли возьмем!»

«Париж-Дакар?»

«Ага, Париж-Дакар!»

«Завидую вам, Егор Пахомович, да и зрители наши, думаю, под впечатлением. Энергичный вы человек! Но я не могу не спросить насчет изюминки вашей машины. Вы пользуетесь неожиданным, экологически чистым топливом. Времени у нас мало, и я кратенько поясню для аудитории. Автомобиль Егора Пахомовича, дорогие телезрители, работает на жидкости, которая, так сказать, дает начало человеческому роду. Насколько хватает одной заправки?»

«Да километров на тыщу. У ней пробег уже пятьдесят».

«Я вынужден снова забыть о скромности и спросить: не трудно ли вам ее заправлять в ваши-то годы?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.